

СЕРГЕЙ РОМАНЮК

ЧИСТЫЕ ПРУ ДЫ

СТОЛЕШНИКИ
НА БЕРЕГАХ НЕГЛИННОЙ
ЛУБЯНКА
ЧИСТЫЕ ПРУДЫ
ИВАНОВСКАЯ ГОРКА

ПРОГУЛКИ
ПО МОСКВЕ
С СЕРГЕЕМ
РОМАНЮКОМ

Сергей Константинович Романюк
Чистые пруды. От Столешников
до Чистых прудов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9821948

Сергей Романюк. Чистые пруды. От Столешников до Чистых прудов: Центрполиграф; Москва;

2015

ISBN 978-5-227-05137-0

Аннотация

Прогулки по Москве всегда интересны и содержат в себе некий элемент неожиданности, даже если и проходят по заданному маршруту. А поможет разобраться в хитросплетениях московских переулков известный москвовед и писатель Сергей Романюк.

Содержание

Глава I	6
Глава II	31
Глава III	53
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Сергей Романюк
Чистые пруды. От Столешников
до Чистых прудов

© Сергей Романюк, 2015

© ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2015

* * *

Глава I

Шубино. Глиници

Между Тверской и Большой Дмитровкой

Переулки соединяют здесь две крупные радиальные магистрали: Тверскую – дорогу на Тверь, а впоследствии на Петербург, и Большую Дмитровку – путь к городу Дмитрову. Тверская в конце 1930-х гг. была реконструирована. Так, в самом начале она была расширена с 16–18 до 60 метров, и сейчас с правой стороны она начинается с большого жилого дома, который аркой перекрыл **Георгиевский переулок**, получивший название от монастыря, основанного во владениях боярина Федора Андреевича, по прозвищу Кошка, основателя знаменитого рода Кошкиных-Захарьиных-Романовых. Возможно, что в конце XIV в. или начале XV в. он и создал здесь небольшой монастырь с церковью Георгия, первой в Москве посвященной этому святому.

Одна из представительниц рода Кошкиных, дочь Юрия Захарьевича Аксины (Ксения), вдова князя Д. Ромодановского, жившая в собственных палатах в Георгиевском монастыре, покровительствовала своей племяннице Анастасии, ставшей в 1547 г. супругой царя Ивана IV Грозного, почему и в преданиях этот монастырь прямо связывается с царицей Анастасией.

В Георгиевском монастыре находились две церкви – одна из них, посвященная святому Георгию, возможно, была упомянута в летописи в сообщении о пожаре 28 июля 1493 г.: «Того же месяца июля 28, в неделю, в 7 час дни, загореся церковь на Песку святой Никола, и в том часе встала буря велика, и кину огонь на другую сторону Москвы реки к Всем Святым, а оттоле за Неглину к каменной церкви к Егорию святому, в том часе нечислено нача горети в мнозех местех». Эта церковь была перестроена в 1701–1704 гг. Другая монастырская церковь была освящена во имя Казанской иконы и выстроена боярином Родионом Матвеевичем Стрешневым, жившим совсем близко отсюда, в 1652 г., а надвратная церковь во имя Спаса – в 1735 г. Монастырь ограбили, и он горел в 1812 г., а после уже не восстанавливался – его церкви были превращены в приходские в 1815 г.

Георгиевская церковь в бывшем Георгиевском монастыре

В Георгиевском монастыре были похоронены первый учитель Петра I Никита Зотов, князь-кесарь Федор Юрьевич Ромодановский, его сын Иван Федорович, генерал-фельдмаршал А. Б. Бутурлин, вице-канцлер М. Г. Головин, многие из Стрешневых, князей Троекуровых, Гагариных, Мезецких, Мещерских, Ромодановских и многих других.

Церкви бывшего монастыря были разрушены в 1935 г. На месте большей, Георгиевской, выстроили школу, а на месте меньшей, Казанской, ничего нет, просто двор.

К концу XIX в. город настоятельно требовал новые источники энергии – конки не справлялись с пассажирским потоком, паровые машины на предприятиях уже ждали замены, газовое освещение никого не удовлетворяло. Единственным выходом был переход на электрическую энергию. В 1887–1888 гг. Общество электрического освещения построило на бывшей монастырской земле «символ» наступающих времен – первую в Москве электростанцию мощностью 612 киловатт, которая снабжала электроэнергией в основном центр города, сначала частных владельцев, а с 1893 г. от нее начали тянуть линии освещения. В помещении станции (№ 5 по Большой Дмитровке), построенной по проекту архитектора В. Д. Шера в псевдорусском стиле, зимой 1901/02 г. была устроена электротехническая выставка, где впервые в Москве демонстрировался прообраз современных радио и телевидения – «телеграф без проводов». В 1905 г. здание было переоборудовано под гараж, находившийся там и в советское время. Теперь же бывший «правительственный» гараж превратился в уютный выставочный зал, получивший название Малый, или Новый, Манеж. В 1996 г. в нем происходило празднование 100-летия одного из старейших московских музеев – Музея истории города.

На противоположной стороне переулка – невыразительное строение из стекла и бетона, место которому где-нибудь в промзоне (1969 г., архитектор Л. Н. Павлов и др.), в котором помещается Государственная дума. Поставленное без учета дальних городских перспектив, оно грубо вторгается в застройку и особенно плохо смотрится со стороны холма Лубянской площади. На угол Большой Дмитровки выходит часть здания бывшего Благородного собрания, отстроенного после пожара 1812 г. архитектором А. Н. Бакаревым. Между этими зданиями во дворе находится редкий памятник гражданской архитектуры – палаты, принадлежавшие главе Стрелецкого приказа, боярину И. В. Троекурову. О них и о соседних палатах князя В. В. Голицына, находившихся на месте современного здания Думы по Охотному ряду, писал в 1927 г. в журнале «Строительство Москвы» академик И. Э. Грабарь: «Замечательнейшая по красоте архитектурная перспектива получится после завершения начатых работ по восстановлению древних домов XVII в. Голицына и Троекурова... Москва получит редчайшие образцы гражданской архитектуры XVII в., дошедшие до нашего времени в столь малом количестве». Надежды академика не сбылись – после реставрации палаты Голицына были снесены, но вот троекуровские остались, оказавшись во дворе воздвигнутого по красной линии Охотного ряда здания.

Палаты Троекурова – комплекс разновременных построек: самый низ датируется XVI в., над ним – постройка середины XVII в., а в конце этого же столетия все здание было надстроено. Тут с 1965 г. находился Музей музыкальной культуры, ранее располагавшийся в консерватории, а ныне переехавший в новое здание на 5-й Тверской-Ямской (улице Фадеева).

Параллельно Георгиевскому проходит **Камергерский переулок**, названный москвичами по придворным чинам двух видных и богатых здешних владельцев. Переулок этот назывался Квасным, потом Спасским – по Спасопреображенской церкви, стоявшей на его северном углу с Тверской улицей, Одоевским – по домовладельцу, Старогазетным – по типографии газеты «Московские ведомости», издававшейся неподалеку, и с 1923 по 1992 г. проездом Художественного театра, в честь театра, открытого в переулке в 1902 г.

Церковь Спаса Преображения, стоявшая на самом углу переулка с Тверской улицей, упоминается в документах не ранее 1621 г. По другую сторону переулка находилось кладбище. В большой пожар 1773 г. церковь сгорела, а в 1786 г. она, и в особенности колокольня, выходившая на улицу, были настолько ветхи, что московская Управа благочиния потребовала «весьма ветхую и к падению склонную и для проходящих по Тверской улице опасную каменную колокольню подкрепить и исправить починкою или, в предосторожность, дабы от нечаянного оной падения убивства народного последовать не могло, и совсем разобрать». Консистория предписала причту и прихожанам, чтобы они ветхую колокольню «всемерно старались возобновить», однако за неимением средств у прихожан на поправку церковь пришлось вообще закрыть и разобрать, что и произошло в 1789 г. Материал после разборки отдали на постройку церкви Дмитрия Солунского у Тверских ворот и Вознесения на Гороховом поле, а землю продали владельцам соседнего участка.

В XVII в. участок этот принадлежал боярину князю Григорию Григорьевичу Ромодановскому, бывшему воеводой и сыгравшему большую роль в присоединении Украины. По отзывам, он отличался «свирепостию характера и телесною силою, был больше солдат, чем вождь; превосходил всех военною пылкостью, неутомимою деятельностью, быстротою и львиным мужеством». Его убили стрельцы во время восстания 1682 г., державшие на него обиды за суровое обращение с ними в походах. Участок перешел к его сыну боярину Михаилу и вдове Григория Григорьевича, за которой двор числился по переписи 1716 г. Владелец с 30 октября 1758 г. записан князь Василий Сергеевич Долгоруков, который вскоре перепродал его сестрам графиням Екатерине и Наталье Головкиным. В ужасный пожар 14 июля 1773 г. все строения здесь сгорели, и участок продали князю Михаилу Ивановичу Долгору-

кову, выстроившему все заново. Главный дом находился посреди обширного двора. Тут жил его сын, известный поэт и мемуарист, любитель театра князь Иван Долгорукий.

В 1809 г. владельцем стал князь Павел Михайлович Дашков, сын известной в летописях русского Просвещения княгини Дашковой, урожденной Воронцовой, которая порвала с ним отношения: причиной раздора послужила женитьба сына на незнатной и бедной дворянке в то время, когда он командовал полком в западных губерниях. Княгиня, известная своим тяжелым нравом, прокляла сына. Дашков, приехав в Москву, в свой дом на углу Тверской, заболел и скончался. Вся усадьба перешла по купчей от 28 сентября 1810 г. к графу Ираклию Ивановичу Моркову, знаменитому воину, заслужившему во многих кампаниях высокие отличия. За штурм Очакова в декабре 1788 г. по представлению Суворова был произведен в полковники, награжден орденом Св. Георгия 4-й степени и золотой шпагой с надписью «За храбрость», но редкий случай – его наградили еще двумя Георгиями: за штурм Измаила, где его тяжело ранили, и за сражение с польскими повстанцами. Во время Отечественной войны 1812 г. он, командуя московским ополчением, участвовал в битвах при Бородине, Малоярославце, Вязьме и Красном, за что награжден орденом Св. Александра Невского. Умер Морков 76 лет в Москве, могила его сохранилась на Ваганьковском кладбище.

В. А. Тропинин. Ираклий Иванович Морков с семейством. 1813 г.

В доме Моркова, стоявшем в глубине участка, жил вместе с семьей его крепостной Василий Тропинин, ставший знаменитым художником. По словам современников, Морков был типом избалованного и своевольного вельможи екатерининского времени, и он только после продолжительных уговоров согласился освободить художника от крепостной зависимости, но еще долго не отпускал его семью.

Дом Моркова – прекрасный образец архитектуры русского классицизма – сохранялся до реконструкции Тверской, когда его снесли вместе с частью доходного жилого здания,

выстроенного в 1891 г. по красным линиям Тверской и Камергерского переулков (архитектор Б. В. Фрейденберг), – оно, украшенное затейливой башенкой на углу, видно на многих фотографиях Тверской. Теперь же осталась только половина его по линии Камергерского. В доме в начале 1920-х гг. находилось кафе «Десятая муза», названное в честь музыки кино. В нем собирались кинематографисты, подписывались контракты на постановку фильмов, принимались на работу операторы, художники, актеры. Приходили и поэты – Бурлюк, Каменский, Маяковский. В доме были квартиры скрипача И. В. Гржимали, певицы М. А. Дейши-Сионницкой.

Рядом – наиболее известное в этом переулке здание Московского Художественного театра. Участок, где стоит театр, в XVIII в. был разделен на две части переулком, продолжавшим соседний Дмитровский. В 1760–1770 гг. обе части вместе с переулком перешли к князю П. И. Одоевскому, построившему здесь деревянные хоромы. Новый, большой участок тянулся через весь квартал, и сад его выходил к теперешней Тверской площади. В 1812 г. хоромы сгорели, и к 1818 г. князь выстроил великолепное каменное здание с пышным шестиколонным портиком и двумя флигелями по сторонам.

В мезонине главного дома в 1820-х гг. жил В. Ф. Одоевский, основатель кружка «любомудров», молодых людей, изучавших философию, эстетику, близких по настроению к декабристам. Членами его были Д. В. Веневитинов, М. П. Погодин, А. И. Кошелев, И. В. Киреевский. «Две тесные каморки молодого Фауста... были завалены книгами, фолиантами, квартантами и всякими октавами, – на столах, под столами, на стульях, под стульями, во всех углах, – так что пробираться между ними было мудрено и опасно, – вспоминал М. П. Погодин. – На окошках, на полках, на скамейках – склянки, бутылки, банки, ступы, реторты и всякие орудия. В переднем углу красовался человеческий костяк с голым черепом на своем месте и надписью „Sapere aude” („Осмеливайся познавать”)».

Наследница П. И. Одоевского В. И. Ланская часто сдавала свой дом внаем. Так, в 1832–1836 гг. в главном доме жила чета Долгоруких, знакомых А. С. Пушкина, и возможно, что поэт бывал у них.

В 1851 г. дом перешел к С. А. Римскому-Корсакову, сыну известной в летописях Москвы Марии Ивановны Римской-Корсаковой, имевшей гостеприимный и хлебосольный дом на Страстной площади. «Она жила, что называется, открытым домом, давала часто обеды, вечера, балы, маскарады, разные увеселения, зимою санные катания за городом, импровизированные завтраки...» – писал П. А. Вяземский. С. А. Римский-Корсаков был женат на двоюродной сестре А. С. Грибоедова Софье Алексеевне, бывшей, по мнению некоторых литераторов, прототипом Софьи Фамусовой в «Горе от ума».

С. А. Римский-Корсаков перестроил дом по новой моде – снял портик, колонны, застроил промежутки между главным домом и флигелями, надстроил на них третий этаж и изменил декор фасада. Все это было сделано по проекту архитектора Н. А. Шохина.

Спустя 30 лет, с 1882 г., начинается театральная история этого дома. Архитектор М. Н. Чичагов переделал здание, приспособляя под театр, позади него на месте двора построил зрительный зал и сцену. В новом театре – он часто назывался Лианозовским (по фамилии владельца участка) – состоялся первый спектакль театра Ф. А. Корша, переехавшего через три года в собственное помещение в Петровском переулке. Здесь же начались и спектакли Мамонтовской оперы – 9 января 1885 г. состоялось представление «Русалки» А. С. Даргомыжского. С. И. Мамонтов приглашал в театр гастролеров – здесь пели знаменитые итальянцы Анжело Мазини и Франческо Таманьо. С 1889 г. в Камергерском переулке выступала труппа Е. Н. Горевой, которая была не столько антрепренером (кстати говоря, совершенно неопытным, ибо труппа распалась через два года), сколько замечательной актрисой, обладавшей красивым голосом и ярким сценическим темпераментом. В ее труппе участвовали такие известные актеры, как М. Дальский, М. Петина, Н. Рощин-Инсаров. На сцене театра

Горевой 15 января 1891 г. состоялся дебют Л. В. Собинова – он был хористом в гастролировавшей труппе Н. К. Садовского – и М. К. Заньковецкой. В конце этого же года, 1 октября, здесь начались представления иного рода, о характере которых можно было судить по афише нового театра: «Большое монстр-гала-представление. Приключение на кухне. Большая юмористическая картина в пяти переменах. Французская шансонетная певица». В этом здании обосновался эстрадный театр «французского гражданина из Алжира» Саломона, ставший одним из самых известных в России. Договор с Шарлем Омоном – это был псевдоним Саломона – значил для актера очень многое, он открывал ему дорогу на любую эстрадную сцену России того времени. Тогда же театр в Камергерском переулке был в очередной раз переделан. После этого зал театра было «положительно трудно узнать, – писала „Московская иллюстрированная газета” в 1891 г., – не верится, чтобы частная антреприза для такого дела могла затратить так много денег для отделки помещения, которое положительно поражает роскошью своего убранства и чисто французским шиком». Этот-то пресловутый «шик» и пытались искоренить реформаторы старого театра К. С. Станиславский и В. И. Немирович-Данченко, когда сняли здание для Художественного театра. Благодаря энергии и средствам Саввы Морозова, бескорыстной работе одного из известнейших московских архитекторов Ф. О. Шехтеля (при участии известного впоследствии архитектора И. А. Фомина) интерьеры театра полностью изменились. По выражению Станиславского, «вертеп разврата превратили в изящный храм искусства». Он в особенности отмечал, что «в отделке театра не было допущено ни одного яркого и золотого пятна, чтобы без нужды не утомлять глаз зрителей и приберечь эффект ярких красок исключительно для декораций и обстановки сцены». Сезон в новом театре открылся вечером 25 октября 1902 г. спектаклем «Мещане», а утром этого же дня артисты скромно справили свое новоселье. Снаружи здание почти не переделывалось – только установлены двери изящного рисунка с козырьками и светильники (в которых поставили новинку – два дуговых фонаря), а также барельеф А. С. Голубкиной «Пловец» над правым входом. Долгое время часть первого этажа сдавалась под различные торговые помещения: на старых фотографиях красуются вывески винного магазина «Кахетия», кондитерской «Миньон» и др. Даже в 1929 г. здесь помещался магазин игрушек «Мать и дитя», принадлежавший организации под причудливым названием «Охматмлад», что означало – «Охрана матери и младенца».

После многих лет работы театра в этом помещении назрела необходимость капитального ремонта здания. Было решено его значительно увеличить, для чего отрезали старую сценическую коробку и передвинули ее назад, пристроили к ней большое помещение, сделали новые примерные, склады декораций, смонтировали новое техническое оборудование сцены и произвели еще множество других усовершенствований. Первый спектакль в обновленном здании был дан 1 ноября 1987 г.

Новое здание театра имени Станиславского и Немировича-Данченко

С правой стороны от главного здания на месте бывшего усадебного флигеля в 1914 г. по проекту Ф. О. Шехтеля предполагалось строительство здания для «научного электротехатра» и (в полуподвальном этаже) для кабаре «Летучая мышь». Вместо этого к концу года был построен дом, приспособленный для сдачи внаем под магазины, конторы и выставки. В Первую мировую войну в нем поместился госпиталь, который находился здесь и после взятия власти большевиками. Сюда были привезены участники заседания МК РКП(б) в Леонтьевском переулке, раненные взрывом бомбы 25 сентября 1919 г. Позже здание занимало общежитие рабфака имени М. Н. Покровского. Театру оно передано только в 1938 г.

До Большой Дмитровки протянулся основательный жилой дом (№ 5/7), на углу которого находится известный многим книголюбам магазин «Педагогическая книга» (открытый в 1931 г.). В этом же доме был еще один известный книжный магазин букинистической книги – «Пушкинская лавка», в котором автору не раз случалось сделать желанную покупку, но этот благословенный уголок книжной мудрости исчез – в 2005 г. его закрыли.

Дом построен на территории бывшей усадьбы тех самых Стрешневых, благодетелей Георгиевского монастыря. Они, вероятно, обосновались в этом месте с весьма давних времен. Стрешневы, выходцы из незначительного дворянского рода, возвысились после брака царя Михаила Федоровича с Евдокией Лукьяновной Стрешневой, ставшей матерью «тишайшего» царя Алексея Михайловича и бабушкой Петра I. Ее отец, дяди, братья стали боярами, а потомки занимали высшие должности в Российской империи.

В XVII в. усадьба принадлежала боярину Родиону Матвеевичу Стрешневу, дальнему родственнику царицы Евдокии (четвероюродному брату), благополучно пережившему несколько царствований. Он занимал должность стольника при царе Михаиле и его сыне Алексее, он же был «поезжанином» (участником свадебного поезда) на его свадьбе с Марией

Милославской, его в 1653 г. послали на Украину с известием, что русский царь принимает «под свою высокую руку» гетмана Богдана Хмельницкого. Стрешнев присутствовал на венчании на царство сына Алексея Михайловича Федора, он держал на золотом блюде царский венец. Его позднее назначили воспитателем молодого Петра I. Усадьба перешла его сыну Ивану Родионовичу, и до середины XIX в. она находилась в их роду.

Главный дом усадьбы расположен несколько в глубине ее, параллельно улице Большой Дмитровке, его можно увидеть, зайдя во двор с улицы. Здание окружали многочисленные строения, каменные и деревянные, жилые и хозяйственные.

В роду Стрешневых усадьба оставалась до перехода ее к мануфактур-советнику Герасиму Хлудову в 1860 г., а после него к И. П. Шаблыкину; при нем тут располагалась редакция газеты «Новости дня». Его внучка, Е. А. Обухова, построила существующий дом в 1913 г. по проекту архитектора В. А. Величкина.

Почти всю свою долгую историю дом на этом участке сдавали внаем. Его снимал Московский университет, так, например, согласно легенде к плану, хранящемуся в Архиве древних актов, датированному 1757 г., «в доме вдовы Натальи Алексеевой дочери Стрешневой» некий «Московского Императорского университета обержист Иван Мецкер» желает построить «для довольствия иностранных профессоров, магистратов и учителей обержу» (auberge – по-французски «гостиница», aubergiste – «содержатель гостиницы»). В 1825 г. купец Доминик Сихлер нанимает на 5 лет в «большом каменном корпусе угловые овалы жилые покои в обеих этажах... для житья и помещения в оных магазина для делания домашних уборов». Это был тот самый модный магазин, в который любила заходить Наталья Николаевна Пушкина, оставлявшая там немалую часть скудных заработков мужа. Впрочем, и перед переворотом 1917 г. здесь тоже были шляпные магазины Au Caprice и A la Mondaine. В 1868 г. тут находилась контора газеты И. С. Аксакова «Москва»; в 1884 г. – редакция юмористического журнала «Будильник». По исследованиям историка В. В. Сорокина, с 1840-х до начала 1860-х гг. здесь жил архитектор и знаток московской старины А. А. Мартынов; в 1867–1868 гг. снимает квартиру издатель газеты «Москва» И. С. Аксаков, где его посещает Ф. И. Тютчев; в 1860–1870-х гг. здесь живет книгоиздатель А. И. Мамонтов – под его квартирой в подвале находилась типография. Здесь в 1872 г. были отпечатаны «Детские песни», составленные женой издателя, под редакцией П. И. Чайковского, в 1880–1890-х гг. живет редактор и издатель журнала «Природа и охота» Л. П. Сабанев, автор замечательной книги «Рыбы России».

В 1866 г. Л. Н. Толстой снял 6 комнат в бельэтаже старого усадебного дома, «прекрасно меблированных, с дровами, самоварами, водой и всей посудой, серебром и бельем столовым за 155 рублей в месяц». У него на квартире собирались многие знакомые, которым он читал новые главы «Войны и мира».

В 1880 г. тут помещалась редакция журнала «Будильник», в котором было напечатано 10 произведений А. П. Чехова, жил председатель Московского библиографического кружка А. Д. Торопов, обладатель большой библиотеки, у которого собирались московские библиофилы. Во владении селились и студенты университета, впоследствии такие выдающиеся ученые, как астроном В. К. Цераский, зоолог-дарвинист Я. А. Борзенков, физик В. Я. Цингер, а также артист Н. Х. Рыбаков, для которого Островский написал роль Несчастливцева в «Лесе».

Как выяснил знаток московской шахматной истории Ю. Н. Шабуров, после Октябрьского переворота тут был организован первый в Москве шахматный клуб, а в октябре 1920 г. проведена первая Всероссийская шахматная олимпиада, чемпионом которой стал А. А. Алехин.

В большом угловом доме жили знаменитый тенор Леонид Собинов, писатель Лев Кассиль, женатый на его дочери Светлане, артисты М. И. Прудкин, С. В. Гиацинтова, Н. П. Хмелев.

На другой стороне переулка – дом № 2, построенный в 1931 г. кооперативом «Крестыанская газета имени Л. Б. Красина» по проекту архитектора С. Е. Чернышева. В нем жили многие известные писатели – Н. Н. Асеев, Э. Г. Багрицкий, В. В. Вишневский, В. М. Инбер, Ю. К. Олеша, Л. Н. Сейфуллина, М. А. Светлов, И. П. Уткин и др. Многих тут и арестовывали, и, в частности, Бруно Ясенского, автора нескольких романов и поэтических сборников. Он родился в Польше, занимался революцией во Франции и приехал в СССР для того, чтобы помогать коммунистам своим недюжинным талантом, а вместо этого его арестовали по абсурдному обвинению и в 37 лет расстреляли.

Но в этом московском переулке каких только жителей не арестовывали, а потом убивали: тут и латыш Генрих Юссак, начальник транспортного отдела, и русский Владимир Бубекин, редактор «Комсомольской правды», и болгарин Михаил Михайлов, зубной врач, и еврей Яков Каменецкий, экономист, и грузин Адам Тандилошвили, работавший на дому по пошиву тапочек...

Совсем невидное, скромное здание рядом (№ 4), построенное в 1830–1840-х гг., может похвастаться многими известными жильцами. В нем находилась гостиница Ипполита Шевалье, бывшая в числе первых в Москве. Гостиница была популярна среди завязанных балетоманов, посетителей недалеко расположенных театров. Специально для них ресторан гостиницы предлагал «готовый ужин, состоящий из чашки бульону и трех блюд, по одному рублю серебром». Ресторан занимал две небольшие комнаты и залу с несколькими круглыми столами для немногих избранных посетителей. С рестораном соединялся зимний сад, полукруглое помещение которого можно увидеть со двора. Во времена вошедшего в моду *le style russe*, с его половыми в расшитых рубашках навывпуск и громом музыкальных машин, ресторан сохранял благородную классическую обстановку со служителями во фраках и французской кухней.

Неудивительно, что именно эту гостиницу порекомендовали французскому путешественнику Теофилю Готье, приехавшему в Москву в январе 1860 г.: «Вскоре я прибыл в гостиницу, где в большом, мощном деревом дворе под навесами стояла самая разнообразная каретная техника: сани, тройки, тарантасы, дрожки, кибитки, почтовые кареты, ландо, шарабаны, летние и зимние кареты, ибо в России никто не ходит, и, если слуга посылается за папиросами, он берет сани, чтобы проехать сотню шагов, которая отделяет дом от табачной лавки. Мне дали комнаты, уставленные роскошной мебелью, с зеркалами, с обоями в крупных узорах наподобие больших парижских гостиниц. Ни малейшей черточки местного колорита, зато всевозможные красоты современного комфорта... Из типично русского был лишь диван, обитый зеленой кожей, на котором так сладко спать, свернувшись калачиком под шубой». Островский упоминает об этом ресторане в «Не сошлись характерами. Картины московской жизни» – герой его задолжал всем: «и портному, и извозчику, и Шевалье».

В 1851 г. здесь проживал И. И. Пущин, декабрист и лицейский друг Пушкина. В гостинице несколько раз останавливался Л. Н. Толстой. В первый раз он пробыл здесь в декабре 1850 г. недолго, переехав вскоре на Сивцев Вражек. Второй раз приехал в 1858 г. В дневнике 15 февраля Толстой записал: «Провел ночь у Шевалье перед отъездом. Половину говорил с Чичериным славно. Другую не видал, как провел с цыганами до утра...» Третий раз он посещает этот дом 23 декабря 1862 г., когда приезжает в Москву с женой. Фет вспоминал, как он «с восторгом узнал, что Лев Николаевич с женой в Москве и остановились в гостинице Шеврие, бывшей Шевалье... Несколько раз мне, при поездках верхом по Газетному переулку, удавалось посылать в окно поклоны дорогой мне чете». Описание гостиницы, где жил Толстой, встречается и в «Казаках», и в «Декабристах».

Здесь у Толстого часто бывали его знакомые, представители московского литературного мира – А. Н. Островский, А. А. Фет, Д. В. Григорович и др.

Эта гостиница связана и с последними днями П. Я. Чаадаева. Он был одиноким человеком и часто обедал либо в Английском клубе, либо «у Шевалье». За день до кончины, 13 апреля 1856 г., уже плохо себя чувствуя, Чаадаев, как обычно, побывал здесь.

И с третьим известным именем мы встречаемся тоже в этом доме. В конце мая 1855 г. сюда приехал Н. А. Некрасов. Врачи посоветовали ему пить искусственную минеральную воду, которая производилась в Москве. Некрасов прожил тут, возможно, до середины июня, когда переехал на дачу в Петровском парке, нанятую В. П. Боткиным.

По исследованиям Ю. А. Федосюка («Чайковский в родном городе». М., 1960) тут в 1868 г. жила замечательная певица Дезире Арто, гастролировавшая в Москве. Чайковский подпадает под обаяние ее голоса и начинает настойчиво ухаживать за ней. Был даже назначен день помолвки, но, как писал отцу сам композитор, «во-первых, ее мать... противится этому браку, находя, что я слишком молод для дочери, и по всей вероятности, боясь, что я заставлю ее жить в России. Во-вторых, мои друзья и, в особенности, Рубинштейн употребляют самые энергические усилия, дабы я не исполнил предполагаемый план женитьбы. Они говорят, что, сделавшись мужем знаменитой певицы, я буду играть весьма жалкую роль мужа моей жены. То есть буду ездить за ней по всем углам Европы, жить на ее счет, отвыкну и не буду иметь возможности работать, словом, что, когда любовь моя к ней немножко охладеет, останутся одни страдания самолюбия, отчаяние и гибель», в чем они, весьма возможно, были правы. Однако все вскоре разрешилось – Арто уезжает на гастроли и выходит замуж. Чайковский как будто спокойно встречает это известие и не вспоминает о ней, но, как писал его друг, через год Арто выступает в Москве, и Чайковский присутствует на спектакле: «Когда в 1869 г. Арто в первый раз выступила на сцене Большого театра, мне пришлось сидеть в партере рядом с Чайковским, волновавшимся очень сильно. При появлении артистки на сцене он закрылся биноклем и не отнимал его от глаз до конца действия, но едва ли мог много видеть, потому что у него самого из-под бинокля катились слезы, которых он как будто не замечал».

Интересно отметить, что еще недавно видная со стороны улицы надстройка на самом верху здания была разрешена в 1879 г. только временно – она предназначалась для ателье «фотографа Императорских театров» М. Н. Канарского.

Правая сторона Камергерского переуллка заканчивается жилыми доходными домами, стоящими на бывшем участке Георгиевского монастыря. Они были выстроены в 1870-х гг., принадлежали Синодальному ведомству и, как правило, предназначались для сдачи внаем. В доме № 6 16 мая 1886 г. родился русский поэт В. Ф. Ходасевич: «Это событие произошло в 1886 году, 16 мая по старому стилю, в полдень. Родители мои жили в Москве, в Камергерском переулке, в доме Георгиевского монастыря, впоследствии перешедшем к Синодальному ведомству. Дом был кирпичный, нештукатуренный, двухэтажный – верхние этажи, надстроенные позже, – и приходился как раз напротив того дома, в котором тогда помещался театр Корша, затем – увеселительное заведение Шарля Омона и, наконец, Художественный театр, существующий в этом здании по сей день». Мемориальной доски на этом здании в честь незаурядного поэта нет, но есть другая. Дом отмечен мемориальной доской в честь композитора С. С. Прокофьева. Он переехал сюда в квартиру второй жены и провел последние годы жизни (1947–1953) в доме № 6. Тогда он, несмотря на тяжелую болезнь, работал над балетом «Сказ о каменном цветке» и последний фрагмент этого балета закончил за несколько часов до смерти. В 2008 г. здесь открыли занимающий три этажа музей композитора, где в экс позиции восстановлен его кабинет, показаны личные вещи, автографы, скульптурные и живописные портреты, эскизы декораций, звучит музыка Прокофьева, на большом экране показываются постановки его опер и балетов, на стенах фотографии Москвы.

На Тверскую площадь выходит часть **Столешникова переуллка**. До 1922 г. эта часть – от площади до Большой Дмитровки – называлась Космодамианским, или Шубинским, пере-

улком по церкви свв. Космы и Дамиана, называвшейся «на Ржищах», или «что в Шубине», по прозвищу владельца участка, находившегося, вероятно, рядом, боярина Иакинфы Шубы, воеводы великого князя Дмитрия Донского, павшего в бою с Ольгердом. В 1368 г. литовский князь Ольгерд напал на Московское княжество, и князь Дмитрий Иванович отправил ему навстречу сторожевой полк под командованием бояр Дмитрия Минина и Иакинфы Шубы. «Уже Ольгерд, как лев, свирепствовал в Российских владениях, не уступая монголам в жестокости, хватал безоружных в плен, жег города», – рассказывает Н. М. Карамзин. У Тростенского озера он ударил со всею силой на московские полки, и они были истреблены совершенно. Тогда же и погиб воевода Иакинфа Шуба. Москву, однако, Ольгерд взять не смог – он три дня простоял под городом, ограбив все окрестные селения.

Первое документальное упоминание о Космодамианской церкви как о деревянной относится к 1625 г. – ее здание заменили в следующем году на каменное. Главный ее престол освящен во имя Благовещения Богородицы, придел с юга Космы и Дамиана, а с севера – Воскресенский, перенесенный из одноименной, что в Скоморошках, церкви, стоявшей на углу Столешникова и Большой Дмитровки.

Обветшавшую Космодамианскую церковь начали перестраивать в 1703 г., но окончить ее удалось только через 20 лет из-за указа Петра I о запрещении каменного строения по всей России в 1714 г.

Колокольни при церкви нет, ибо построенная в 1857–1858 гг. вместо старинной была в советское время разрушена. Уцелели кованые железные двустворчатые двери в северном и южном порталах и белокаменная надгробная доска на южной стене. В церкви долгое время (с 1930 г.) находилась библиотека иностранной литературы, а перед тем как она была возвращена церкви – типография.

Эта церковь памятна тем, что в 1916 г. в ней отпевали В. И. Сурикова – в последние годы он жил рядом, в гостинице «Дрезден» на Тверской.

Рядом с церковным участком была большая усадьба (№ 6), принадлежавшая в XVII в. князьям Жировым-Засекиным, а в первой половине XVIII в. – князьям Сонцовым-Засекиным и Жировым-Засекиным и перешедшая в 1752–1755 гг. к капитан-поручику О. И. Кожину. Он построил между 1760 и 1764 гг. в глубине участка двухэтажные каменные палаты, дошедшие до нашего времени и надстроенные его сыном, гвардии прапорщиком Н. О. Кожинным в 1810 г. Двор этого дома был свидетелем драмы, разыгравшейся в сентябре 1812 г., когда там французами были расстреляны 18 человек, обвинявшихся в поджогах. В 1820–1860-х гг. здесь помещалась гостиница «Германия». В конце 1830-х гг. в ней жил декабрист И. А. Фонвизин.

В соседнем доме на углу с Большой Дмитровкой (№ 8/13) также находилась гостиница, известная под разными именами – «Блеск», «Централь», «Версаль», переименованная в советское время в «Спартак». Об этой гостинице писал И. А. Бунин в рассказе «Казимир Станиславович»: «...никто из приезжающих в „Версаль” не предъявлял визитных карточек... гостиница была скверная».

На месте этого дома до 1816 г. стояла Воскресенская церковь, «что в Скоморошках», то есть в местности, населенной артистами того времени – скоморохами. Она впервые упоминается в 1472 г.; три придела ее были построены в 1600 г. князем Василием Жировым-Засекиным, один из них (верхний) был его, а потом князя Алексея Козловского домовою церковью, который в 1772 г. сообщал в Московскую консисторию, что придел находится на его «содержании». От церкви к его дому вел переход через арку к противоположной стороне переулка.

В числе многих московских церквей, погоревших в пожар 1812 г., ее не стали восстанавливать – еще в 1806 г. ее посчитали настолько ветхой, что даже запретили проезд через

Космодамианский переулок. Она, как было написано тогда, «по ветхости угрожает падением», и в 1816 г. ее разобрали вместе с каменной аркой.

В доме, построенном в 1820-х гг. и надстроенном в 1873 г., жили историк И. Д. Беляев, опубликовавший исследование об урочище «Старые Скоморошки», архитектор А. П. Белоярцев, издатель, выпускавший в продолжение многих лет московские справочные книжки, Карл Нистрем. В 1924 г. – редакция шахматного журнала «64», издательство по физкультуре и спорту, а также театральная студия имени М. Н. Ермоловой.

В доме находилось множество магазинов, и, в частности, оптический «А. И. Мильк и сын», в котором А. П. Чехов обычно заказывал пенсне.

Сейчас вся левая сторона переулочка занята зданием Российского центра хранения и изучения документов новейшей истории, бывшего Института марксизма-ленинизма, которое было выстроено первоначально для хранения и работы с документами архива Ленина, к которому позже присоединились документы Маркса, Энгельса и Сталина. Скучное ящикоподобное здание строилось по проекту архитектора С. Е. Чернышева в 1926 г., а в 1980 г. к нему пристроили не лучше прежнего новое (№ 3/15) со стороны Большой Дмитровки (архитектор Ю. Н. Шевердяев) с барельефными изображениями мрачных лиц основоположников марксизма-ленинизма.

На его месте до 1973 г. стояло скромное двухэтажное здание, в котором жил знаменитый типографщик и книгопродавец С. А. Селивановский. Со стороны переулочка была вывеска типографии с датой ее основания – 1796 г. После некоторого перерыва она просуществовала до 1859 г. и была самой долговечной среди частных типографий. В ней печатались многие сочинения Н. М. Карамзина и К. Ф. Рылеева. В 1797 г. Селивановский издал один из первых путеводителей по Москве – «Историческое и топографическое описание первопрестольного града Москвы...», а в 1827–1831 гг. лучший московский путеводитель начала XIX в. – «Москва, или Исторический путеводитель по знаменитой столице Государства Российского...», написанный Иваном Гурьяновым. В его четырех объемистых томах, которые давно надо было бы переиздать, содержится множество драгоценных сведений о Москве того времени.

В 1822–1825 гг. Селивановский начал выпуск энциклопедического словаря, однако издание его приостановилось после выступления декабристов на Сенатской площади. В типографии полиция произвела обыск, отпечатанные тома увезли в Петербург, ибо до сведения начальства дошло, что в «Словарь» Селивановского проникли свободололюбивые идеи. Один из декабристов, В. И. Штейнгель, говорил о Селивановском: «Он и без привлечения в общество содействует достижению его целей изданием книг, распространяющих свободные понятия». В доносе из Москвы бдительные наблюдатели сообщали, что Селивановский сам участвовал в «заговоре 14-го Декабря... У него печатались манифесты злоумышленников, но для сокрытия всего, – прибавляли для пушей важности соглядатаи, – даже самые литеры после отпечатания были перелиты».

У Селивановского в этом доме бывали многие известные литераторы, жил П. М. Строев, археограф, собиратель летописного русского наследия. Один из посетителей, профессор Московского университета, ботаник и филолог М. А. Максимович, вспоминал: «Помню, когда, бывало, ни зайдешь к П. М. Строеву, жившему в доме Селивановского на Дмитровке, – вечно застаешь его над Ключом к Истории Карамзина». Тогда Строев составлял указатель к знаменитому труду Н. М. Карамзина «История государства Российского». Эта «циклопическая», по выражению его биографа, работа вышла в 1836 г. в двух томах, о которых отозвался А. С. Пушкин в «Современнике»: «Издав сии два тома, Г. Строев оказал более пользы Русской Истории, нежели все наши историки с высшими взглядами, вместе взятыми... Г. Строев облегчил до невероятной степени изучение Русской Истории». Сам

знаменитый историк Н. М. Карамзин после пожара 1812 г. квартировал у Селивановского. В 1820-х гг. в этом доме жил С. Н. Бегичев, член Союза благоденствия, друг А. С. Грибоедова.

После смерти С. А. Селивановского и дом, и типография перешли к его сыну, тоже издателю. Он устраивал у себя литературные вечера, на одном из которых в октябре 1837 г. во время чтения Н. А. Полевым драмы «Граф Уголино» В. Г. Белинский познакомился с артистом П. С. Мочаловым. Типография действовала долгое время – еще в 1864 г. в газете «Московские ведомости» объявлялось: «Типография, словолитня и гальванопластика Семена Селивановского в Москве, 1793 года... Принимает книгопечатание. Адресовать на Большую Дмитровку, в дом г-жи Петровой (внучки С. И. Селивановского. – *Авт.*), в контору типографии». В 1870-х гг. тут помещались меблированные комнаты, в которых в разное время жили артисты Б. В. Корсов, Л. И. Градов-Соколов, Ф. П. Горев, писатели Д. В. Аверкиев и В. А. Слепцов. В 1920-х гг. тут обосновалась столовая кооператива «Коммунар».

Церковь Св. митрополита Алексия на Глинцах

В связи со строительством нового здания Института марксизма-ленинизма открылся еще один проезд с Большой Дмитровки на Тверскую площадь. Любопытно, что он повторяет направление старинного Квасного переулка, видного на планах Москвы второй половины XVII в. и позднее отошедшего к частным владениям.

Недалеко от него проходит **Глинищевский переулок** (с 1943 по 1991 г. – улица Немировича-Данченко), названный по местности Глинищи, где стояла церковь Св. митрополита Алексия, построенная в 1685–1690 гг. дьяком приказа Большой казны Иваном Алферьевым, похороненным около нее в 1700 г. В 1787 г. построили новую колокольню вместо старой у ограды с южной стороны от церкви. Алексеевская церковь – единственная в Москве – сохраняла изразчатое покрытие глав, столь типичное для древнерусской церковной архитектуры. В ней находился оригинальный иконостас с иконами знаменитых изографов XVII в.

Несмотря на протесты Грабаря, Нестерова, Васнецова, Юона и многих других известных художников, церковь снесли в 1934 г. На ее месте построили большой жилой дом (№ 5–7, 1938 г., архитектор А. В. Щусев, скульптор Г. И. Мотовилов), в котором поселились многие известные артисты. Тут в 1938–1943 гг. жил В. И. Немирович-Данченко, в 1943–1972 гг. – М. Н. Кедров, в 1938–1959 гг. – О. Л. Книппер-Чехова, в 1938–1946 гг. – И. М. Москвин, в 1938–1973 гг. – А. К. Тарасова, в 1938–1974 гг. – В. А. Орлов, в 1967–1982 гг. – Б. А. Смирнов. Кроме них в доме жили Б. А. Мордвинов, А. А. Вишневецкий, Н. П. Хмелев, С. И. Юткевич, М. М. Тарханов, К. Н. Еланская, И. Я. Судаков, И. А. Туманов, В. П. Марецкая и др.

Высокий, в разных своих частях имеющий от 8 до 12 этажей, с крупными членениями фасада, рассчитанный на обозрение с большого расстояния, дом громоздок и, более того, подавляюще велик для небольшого переулка с невысокой застройкой.

На углу переулка и Тверской (№ 1/10) – щедро украшенное здание, в котором находится бывшая кофейня Филиппова. Родоначальником известной московской династии пекарей был Максим Филиппов, который пришел в Москву в 1806 г. и занимался не только выпечкой, но и продажей вразнос пирогов с разной начинкой и калачей. Продолжателем его дела был сын Иван, ставший владельцем уже трех пекарен и получивший в 1855 г. за ассортимент и качество звание «Поставщика двора Его Императорского Величества», а с 1890 г. фирмой управлял его сын Дмитрий, которому принадлежали 34 различных торговых и промышленных предприятия в Москве, на которых работали 1472 человека.

В Москве славились все филипповские изделия, а в особенности калачи и пирожки (переданная Гиляровским сплетня о филипповских пирожках с изюмом и так охотно повторяемая никак и ничем не подтверждается). Тесто для калачей после замеса выносилося на холод, что способствовало молочнокислому брожению и придавало калачам особый вкус. Они были смесными, из смеси пшеничной и ржаной муки, крупитчатыми или толчеными, обварными и тертыми, тесто для которых очень долго обминали и терли, от куда и пословица «Не терт, не мят – не будет калач» и выражение «тертый калач», то есть «опытный человек». У калача различали «животок» с губкою и ручку, дужку или перевясло. Вообще с калачами связаны многие выражения и пословицы и в числе их – «В Москве калачи, как огонь, горячи».

Княгиня Зинаида Волконская

Д. И. Филиппов значительно расширил дело и построил на Тверской в 1911 г. по проекту архитектора Н. А. Эйхенвальда обширное здание (надстроенное в 1934 г.) для булочной и кофейни, украшенной росписями художников П. П. Кончаловского и И. И. Нивинского. В оформлении принимал участие скульптор С. Т. Коненков. В советское время ее превратили в ресторан «Астория» («Центральный»). В гостинице «Люкс», находившейся в том же здании, в 1919 г. было общежитие Комиссариата внутренних дел, переданное в следующем году Коминтерну. В здании в разное время жили многие коммунистические деятели – Хо Ши Мин, М. Торез, В. Ульбрихт, П. Тольятти, Г. Димитров и др.

На правом углу Глинищевского переулка и Тверской – дом № 2/8, построенный в 1940 г. (архитектор А. Г. Мордвинов), с открытым в 1958 г. книжным магазином под названием «Москва».

В Глинищевском переулке особенно чувствуется несоответствие громоздких поздних зданий при сопоставлении их с архитектурным памятником XVIII–XIX вв. (дом № 6). Еще сравнительно недавно это здание было несимметрично – левая его часть сгорела, и ее разобрали в начале 1920-х гг. Реставраторы вернули дому первоначальный облик, а интерьеры бывших жилых квартир переделали для пропагандистской организации – Комитета советских женщин, переименованного после развала СССР в Союз женщин России.

У дома № 6 по Глинищевскому богатое прошлое. Он прежде всего известен своими жильцами – в нем в 1823 г. останавливались будущий декабрист, литератор А. А. Бестужев, известный позднее под псевдонимом Марлинский, декабристы П. А. Колошин и П. А. Голицын, а в 1863 г. здесь была первая семейная квартира молодой актрисы, только что выпущенной из театрального училища, Гликерии Федотовой. У нее часто бывал ее учитель, великий русский актер М. С. Щепкин, а в 1830-х гг. тут останавливалась знаменитая итальянская певица Анжелика Каталани, подарившая свою шаль так восхитившей ее цыганке Стеше, о которой вспоминает Пушкин в стихах, посвященных Зинаиде Волконской.

До строительства этого дома в глубине участка стояли деревянные хоромы, принадлежавшие полковнику Ивану Телепневу, – они изображены на первом сохранившемся плане участка 1756 г. Через некоторое время хоромы сменились каменными палатами князей Черкасских, с 1778 г. принадлежавшими президенту Вотчинной коллегии М. В. Дмитриеву-Мамонову, который, возможно, и строит дошедшее до нашего времени здание. Пройдя через несколько рук, дом обретает нового владельца – купца 2-й гильдии Николая Обера. Сам он и жена его, Мари-Роз Обер-Шалье ме, были хорошо известны в Москве. В 1803 г. Н. Обер стал участником не обыкновенного в Москве зрелища – полета на воздушном шаре. Вместе с известным аэронавтом Жаком Гарнереном он поднялся на шаре, заполненном горячим воздухом, с поля у Крутицких казарм и опустился недалеко от подмосковной усадьбы князя Вяземского Остафьево.

Жена его имела на первом этаже модный магазин женского платья и предметов роскоши. Магазин, по воспоминаниям современника, был сборным пунктом высшего и богатого московского общества, и часто перед праздниками был «у мадам Обер-Шалье такой приезд, что весь переулочек заставлен каретами». В этом магазине покупала наряды Наташа Ростова. Она вместе с Ахросимовой из Старой Конюшенной едет в первую очередь «к Иверской и мадам Обер-Шалье, которая так боялась Марьи Дмитриевны, что всегда в убыток уступала ей наряды, только бы поскорее выжить ее от себя», – пишет Л. Н. Толстой в «Войне и мире». В убыток себе мадам Обер-Шалье торговала не так уж часто, она не гнушалась контрабандой, и недаром за высокие цены в магазине и необыкновенную изворотливость ее прозвали «обер-шельмой». Она, видимо, выполняла и шпионские поручения Наполеона. Он вызывал ее к себе в Кремль, расспрашивая о «настроении умов в России». Мадам Обер-Шалье была вынуждена покинуть разоренную и сожженную Москву вместе с наполеоновской армией. Она погибла вместе со многими французами при переправе через Березину, а дом ее, уцелевший в пожаре 1812 г. – там квартировал наполеоновский генерал, – занял московский обер-полицмейстер.

Дом вскоре перешел к одному из ее сыновей, спасшемуся в горниле войны, Лаврентию Оберу. Он сдавал его под гостиницу, называвшуюся сначала «Север», а потом «Англия». В ней, как сообщал «Указатель зданий города Москвы» 1826 г., «нумера расположены покойно, вины и стол хороши». В гостинице несколько раз останавливался в 1828–1832 гг. А. С. Пушкин. Тут он работал над такими шедеврами, как «Кавказ», «Монастырь на Казбеке», «К бюсту завоевателя», «Дорожные жалобы» и др. В этом доме 29 марта 1829 г. последний раз встретились два великих славянских поэта – Александр Пушкин и Адам Мицкевич. В память этого события 21 июля 1956 г. была установлена мемориальная доска скульптора М. И. Мильбергера с горельефами беседующих поэтов и строками из их стихотворений:

Он говорил о временах грядущих,
когда народы, распри позабыв,
в великую семью соединятся.
Хоть встретились немного дней назад,
но речь вели они, как с братом брат.

Владелец дома Л. Обер был хорошо знаком с Пушкиным. В своих воспоминаниях, опубликованных в 1880 г., он рассказал о встречах с ним у себя и в салоне княгини Зинаиды Волконской, неподалеку, в доме на углу Тверской и **Козицкого переулка**.

Дом стоит на земле усадьбы князя И. А. Вяземского (деда известного поэта Петра Вяземского), который продал ее за 25 тысяч рублей жене статс-секретаря Г. В. Козицкого Екатерине Ивановне, обладавшей несметным состоянием. Она происходила из семьи уральских владельцев горных заводов Твердышевых. Богатство их, по преданию, началось от 500 рублей, подаренных Петром I трем братьям, крестьянам Твердышевым, перевозившим его через Волгу. «Шли бы вы промыслять на Урал, – сказал им Петр, – посмотрели бы вы, что делает там у меня Демидов». Так или иначе, но документально известно, что Твердышевы в компании с их родственником Иваном Мясниковым строят на Урале несколько заводов и становятся богачами. В конце XVIII в. все их состояние переходит к четырем дочерям одного из них. Каждой достается по два завода и по 19 тысяч крепостных, не считая денежных капиталов.

Муж Екатерины Твердышевой Григорий Васильевич Козицкий учился в Киевской духовной академии, Лейпцигском университете, был одним из образованных людей своего времени, знатоком древних и новых языков. Козицкий, рекомендованный императрице Екатерине братьями Орловыми, был назначен статс-секретарем при принятии прошений, помогал ей в переводах и заведовал ее литературными делами. Он пользовался репутацией тонкого стилиста, много переводил и издавал, его основным трудом был прозаический перевод «Метаморфоз» Овидия, получивший высокую оценку современников. Он кончил жизнь самоубийством: по «причине меланхолии» закололся ножом, нанеся тридцать две раны. Отпевали его в соседней церкви Григория Богослова в 1775 г. Его дочери известны в истории русской культуры: старшая, Александра, в замужестве графиня Лаваль, славилась своим светским салоном в Петербурге, ее дочь Екатерина стала женой декабриста С. П. Трубецкого и последовала за ним в ссылку, младшая, Анна, вышла замуж за князя А. М. Белосельского-Белозерского.

Вдова приобрела участок с каменным домом 27 мая 1787 г. и тогда же заказала архитектору М. Ф. Казакову построить в габаритах старого каменного дома, возведенного еще в 1776 г., новый дворец, законченный после 1791 г. (план нового строения был датирован 25 января 1791 г.).

Дом был великолепен и внутри и снаружи. Интерьеры были так роскошны, что это обстоятельство послужило причиной отказа университетских властей от найма его для размещения студентов и профессоров после пожара 1812 г., когда собственный дом университета на Моховой стоял обгорелым и закопченным остовом. Как писал ректор университета И. А. Гейм о доме Козицкой, только нижний его этаж «по простой своей отделке был бы способен для помещения в нем университетских студентов и кандидатов», а второй этаж «отделан так богато и убран так великолепно, что никаким чиновникам, а того менее студентам, в оном жить никак не можно, чтоб не испортить штучных полов и штофных обоев, огромных дорогих трюмо и прочее...».

После Козицкой дом перешел к ее дочери, княгине А. Г. Белосельской-Белозерской. Ее падчерица княгиня Зинаида Волконская жила в этом доме – «известная в свое время красавица, женщина очаровательного ума, блестящих художественных дарований, друг Пушкина, Мицкевича, Гоголя, Шевырева, Веневитинова, она оставила след в истории нашего художественно-литературного развития», – пишет о ней князь С. М. Волконский.

Ее салон пользовался большой популярностью, его посещали все самые известные представители русских культурных кругов. «В Москве дом княгини Зинаиды Волконской, – вспоминал князь Вяземский, – был изящным сборным местом всех замечательных и отбор-

ных личностей современного общества. Тут соединялись представители большого света, сановники и красавцы, молодежь и возраст зрелый, люди умственного труда, профессора, писатели, журналисты, поэты, художники. Все в этом доме носило отпечаток служения искусству и мысли. Бывали в нем чтения, концерты, дилетантами и любительницами представления Итальянских опер. Посреди артистов и во главе их стояла сама хозяйка дома... Помнится и слышится еще, как она, в присутствии Пушкина и в первый день знакомства с ним, пропела Элегию его, положенную на музыку Геништою:

Погасло дневное светило,
На море синее вечерний пал туман.

Пушкин был живо тронут этим обольщением тонкого и художественного кокетства. По обыкновению, краска вспыхивала в лице его. В нем этот детский и женский признак сильной впечатлительности был несомненное выражение внутреннего смущения, радости, досады, всякого потрясающего ощущения».

Пушкин обращался к хозяйке:

Среди рассеянной Москвы,
При толках виста и бостона,
При бальном лепете молвы
Ты любишь игры Аполлона.
Царица муз и красоты,
Рукою нежной держишь ты
Волшебный скипетр вдохновений,
И над задумчивым челом,
Двойным увенчанным венком,
И вьется и пылает гений.
Певца, плененного тобой,
Не отвергай смиренной дани,
Внемли с улыбкой голос мой,
Как мимоездом Каталани
Цыганке внемлет кочевой.

В доме выступали талантливые великосветские любители – виолончелист граф Михаил Виельгорский, певица Екатерина Риччи и др., да и сама хозяйка обладала прекрасным голосом. «Поет как ангел», – говорил П. А. Вяземский. Концерты проходили «на сцене комнатного театра, чрезвычайно красивого, – отмечал князь Петр Шаликов в рецензии на один из концертных вечеров в декабре 1826 г. – Глаза мои, – продолжал он, – несколько раз прочитывали на фронте театра следующую *справедливую* надпись: „*Ridendo dicere verum*” (смеясь, говорить правду); а по бокам с одной стороны: „*Molière*” (французский драматург), с другой: „*Cimarosa*”» (итальянский композитор. – *Авт.*).

Но не только такие вечера происходили в этом доме. В Москве, скованной страхом после казни декабристов, многие старались забыть о жестоких наказаниях, постигших восставших. Только некоторые восприняли это как крушение всех надежд на поворот России от деспотизма к нормальному существованию, и в числе их был Петр Вяземский. Узнав о казни декабристов, он пишет: «При малейшей возможности, тотчас вырвался бы я из России надолго... Для меня Россия теперь опоганена, окровавлена: мне в ней душно нестерпимо... Я не могу, не хочу жить спокойно на лобном месте, на сцене казни!...»

Соглядатаи сообщали, что в Москве «между дамами, две самые непримиримые и всегда готовые разрывать на части правительство, – княгиня Волконская и генеральша Коновницына. Их частные кружки служат средоточием всех недовольных, и нет брани злее той, какую они извергают на правительство и его слуг...».

Григорий Григорьевич Елисеев

Княгиня Зинаида 26 декабря 1826 г. открыто устроила у себя вечер, на котором приветствовала уезжавшую на каторгу к мужу Марию Николаевну Волконскую, написавшую об этом вечере: «В Москве я остановилась у Зинаиды Волконской... она меня приняла с нежностью и добротой, которые остались мне памяты навсегда; окружила меня вниманием и заботами, полная любви и сострадания ко мне. Зная мою страсть к музыке, она пригласила всех итальянских певцов, бывших тогда в Москве, и несколько талантливых девиц московского общества; я была в восторге от чудного итальянского пения, а мысль, что я слышу его в последний раз, еще усиливала мой восторг. В дороге я простудилась и совершенно потеряла голос, а пели именно те вещи, которые я лучше всего знала; меня мучила невозможность принять участие в пении. Я говорила им: „Еще, еще, подумайте, ведь я никогда больше не услышу музыки”».

Через два года княгиня Зинаида уехала из России и поселилась в Риме, купив там виллу, в которой ныне британское посольство. В саду виллы автор был рад видеть скульптурные бюсты тех, кто был близок княгине Волконской.

В Москве в ее бывшем дворце на Тверской регулярно сдавались помещения: там находился пансион Э. Х. Репмана, Русский охотничий клуб, Московский коммерческий суд, Первая женская гимназия, инженерное училище, литературно-художественный кружок и др.

В 1870-х гг. дом приобрел подрядчик Малкиель, разбогатевший на интендантских подрядах. Это о нем писали тогда: «Немудрая, кажется, вещь – солдатская подошва, но г. Малкиель блистательно доказал, что при некотором проворстве рук из нее можно выкроить баснословное богатство, громкое, хотя и не весьма почетное имя, удивление современников и даже бессмертие в потомстве. Все это, конечно, при условии, чтобы подошва была с гнильцой, с фальшецей и с изьянцем, а при удобной оказии и просто картонная».

Новый владелец, купив этот дворец, неузнаваемо его переделал согласно моде – были сняты классические портик и колонны, изменен фасад (1874 г., архитектор А. Е. Вебер), а очередную капитальную перестройку предпринял Г. Г. Елисеев, глава крупной гастрономической фирмы. Для переделки был приглашен петербургский инженер Г. В. Барановский, позднее построивший здание для той же фирмы на Невском проспекте. Варвары от гастрономии сломали историческую лестницу дворца, проходивший когда-то под домом проезд, в который могли въезжать кареты, стал главным входом в магазин, а комнаты первого и второго этажей превратились в огромный торговый зал, сверкающий причудливой декоративной обработкой стен и яркими огнями изящных огромных люстр. В нем было «все – от кальвиля французского с гербами до ананасов и невиданных японских вишен», – писал Гиляровский в очерке «История двух домов», рассказывая о торжественном открытии этого «храма Бахуса» 23 января 1901 г.

После большевистского переворота дом назывался 1-м Домом Совнаркома. В 1935 г. в нем поселили больного писателя Н. А. Островского, в квартире которого в 1940 г. открылся музей.

Рядом с бывшим домом Козицкой в 1899 г. был выстроен жилой дом (№ 1) по проекту архитектора Г. В. Барановского. Далее по переулку в 1913 г. появился дом № 1а (архитектор В. В. Воейков), а на соседнем, узком и длинном участке № 3, протянувшемся от переулка до Пушкинской площади, в 1899–1901 гг. были построены доходные жилые дома, плотно заполнившие его (архитектор И. Ф. Мейснер, чья квартира была здесь). В этом доме жили известные артисты М. Ф. Ленин (1908–1912 гг.), немало претерпевший в связи со своим псевдонимом (его фамилия была Игнатюк, а псевдоним он взял в память любимого учителя артиста А. П. Ленского задолго до помощника присяжного поверенного Ульянова), и К. Н. Рыбаков (1912–1913 гг.), сын знаменитого актера. Он исполнял в Малом театре ту же прославившую отца роль Несчастливцева, который «не надо забывать, списан с отца артиста, и когда в названном спектакле Рыбаков произнес слова „сам Николай Хрисанфыч Рыбаков подошел ко мне” и так далее – теперь, как принято говорить, „зал задрожал от аплодисментов”, а у артиста, не ожидавшего оваций, когда он заканчивал реплику, текли из глаз слезы». Здесь же жил Ф. П. Горев, необыкновенно популярный артист, сыгравший более 300 ролей. «Недюжинный артист с преобладанием чувства над рассудком, вдохновения над техникой», как о нем писали.

В одном из корпусов на территории этого владения в 1874–1875 гг. помещалась мастерская мельхиоровых и гальванопластических изделий Н. Г. Глухова, с которым работал электротехник П. Н. Яблочков, занимаясь усовершенствованием аккумуляторов, динамомашины, дуговых ламп; при опытах по электролизу впервые получили дугу без регулировки межэлектродного расстояния, что послужило основой для будущей «свечи Яблочкова».

Единственный в этом переулке памятник архитектуры – дом № 5. Первым известным владельцем участка, на котором он стоит, в документах записан купец М. Н. Дудин, а существующий дом был сооружен в несколько приемов в конце XVIII в. при владельцах – генерале Ф. М. Шестакове, П. М. Лобкове и А. И. Лобковой, матери известного библиографа, друга Пушкина С. А. Соболевского. Возможно, что именно в этом доме Соболевский устроил в апреле 1828 г. проводы уезжавшего из России польского поэта Адама Мицкевича, на которых присутствовали московские литераторы и ученые. Мицкевичу преподнесли серебряный кубок с выгравированными на его дне именами присутствовавших и с вложенными в него стихами Е. А. Баратынского. Мицкевич писал об этом прощальном вечере: «Я был глубоко растроган, импровизировал благодарность по-французски, принятую с восторгом. Прощались со мною со слезами».

В конце 1820-х – начале 1830-х гг. здесь жила известная певица Екатерина Риччи, урожденная Лунина, двоюродная сестра декабриста.

Этот старинный дом во второй половине XIX в. сдавался под квартиры. Сюда приехал будущий знаменитый историк В. О. Ключевский в 1861 г., когда поступил в Московский университет. «Квартира наша – да и что описывать ее – превосходная комната, с мебелью, в два окна, перегороженная ширмами. Перед окнами длинный забор и сад купеческого клуба; часто буду слушать здесь музыку. Так как дом, в котором мы живем, – не в самой Тверской, а в переулке, то здесь меньше шума, нет неугомонной скакатни экипажей, словом, прекрасно!» – сообщал в письме Ключевский.

В 1872–1873 гг. здесь жил И. В. Самарин, один из самых популярных артистов Малого театра, учившийся у М. С. Щепкина.

В конце XIX – начале XX в. дом принадлежал городу, и в нем помещалась городская типография. Здание и его прекрасные интерьеры были отреставрированы под руководством архитектора А. В. Оха, и в нем сейчас Институт искусствознания.

Угол с Большой Дмитровкой образует жилой дом, построенный в 1934–1939 гг. (№ 21, архитекторы В. Н. Владимиров и Г. Н. Луцкий) для работников милиции на месте церкви 1698 г. По ней переулок раньше назывался Сергиевским – ее главный престол был освящен во имя Успения, но москвичи знали ее по приделу преподобного Сергия. Издавна она была деревянной, но в 1652 г. было выстроено каменное здание, замененное через 46 лет другим. К нему в 1700 г. пристроили Никольский придел и в 1702 г. выдали антиминс (платок, который кладется на церковный престол для богослужения) в «новопостроенную церковь».

Красивую церковь – особо выделялись ее пышные наличники – сломали и выстроили существующее здание. В газетах того времени можно было прочесть письма новоселов, которые «не удовлетворены ни планировкой, ни качеством отделочных работ, ни оборудованием квартир».

Почти вся противоположная сторона Козицкого переулкa была занята большой усадьбой Салтыковых, к которым она перешла, вероятнее всего, в начале XVIII в., когда была продана графу Семену Андреевичу.

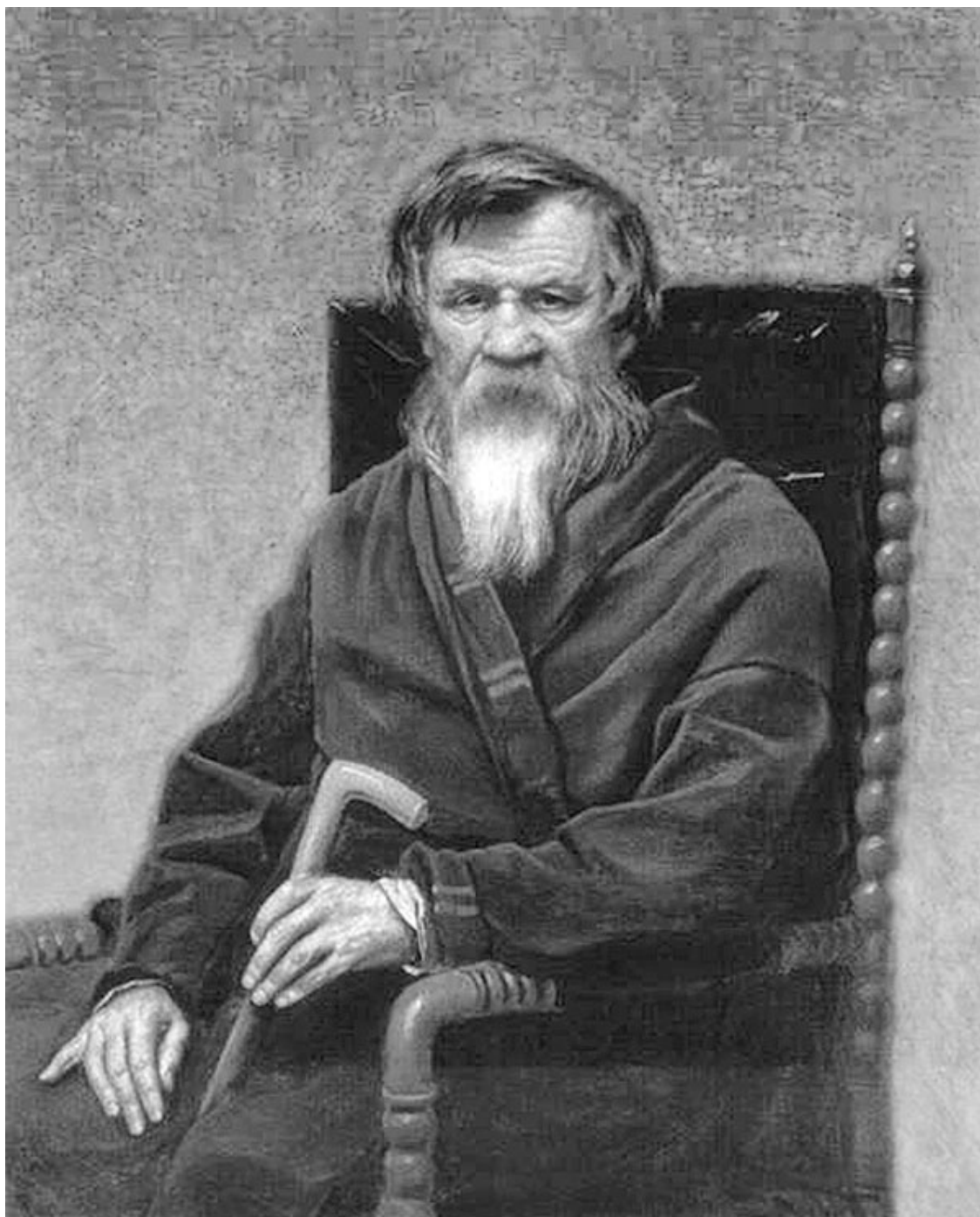
Салтыковы играли видную роль в истории России. Произошли они, по родовому преданию, от некоего Прушанина (или Прашинича), пришедшего в XIII в. в Новгород из Прусских земель, от которого пошли Чоглоковы, Шеины, Морозовы. Известно, что сын его участвовал в Невской битве под водительством князя Александра Невского, а потомок его был убит в Куликовской битве. Впоследствии Салтыковы играли ведущие роли при московском дворе.

Удивительно, но почему-то именно семья Салтыковых дала Москве больше всего губернаторов. Первым из них был боярин Алексей Петрович, служивший астраханским губернатором, главой Провиантского приказа и заменивший собой М. Г. Ромодановского в 1713 г. и покинувший в 1716 г. губернаторский пост в результате обвинений в растратах. Род-

ной брат царицы Прасковьи, супруги Иоанна V Алексеевича, Василий Федорович Салтыков был назначен на этот пост в марте 1730 г., но пробыл на нем очень недолго – он скончался в октябре этого же года, третьим – Семен Андреевич Салтыков (1732–1739). При Петре I он стал генерал-майором, членом Военной коллегии, а при его внуке Петре II он выступил против Меншикова, и именно он арестовал бывшего временщика, а при Анне Иоанновне он был «в великой силе», поддержав ее против тех, кто намеревался ограничить самодержавие, что, конечно, не осталось без вознаграждения: он получил чин генерал-аншефа, придворное звание обер-гофмейстера, орден Св. Андрея Первозванного. Его назначили московским главноначальствующим и первоприсутствующим в Московской конторе Сената, а через год был оглашен именной указ «о пожаловании Семена Салтыкова в российские графы». Императрица снабдила нового губернатора подробной инструкцией, «чтоб во всем здесь, на Москве, надлежащий добрый порядок содержать и всякие непорядки, конфузии и замешания по крайней возможности пресережены и отвращены были». Он занимался ремонтом зданий в Кремле – Ивановской колокольни, Архангельского и Спасского соборов, а также в нескольких московских церквях, занимался правилами дорожного движения. Так, он объявил, что, «несмотря на прежние указы, многие люди и извозчики ездят в санях резво, и верховые их люди перед ними необыкновенно скачут и на других наезжают, бьют плетью и лошадьми топчут; за такую езду указ грозил жестоким наказанием или даже смертною казнию». Салтыков утверждал правила постройки московских домов – «чтоб в два этажа строить дома в Москве запретить», что долго еще не принималось во внимание. При нем Москву 29 мая 1737 г. поразил один из самых страшных пожаров – тот самый, который занялся от свечи, оставленной в доме в приходе Антипия у Колымажного двора, у киота, откуда и пошла пословица: «Москва от копеечной свечи сгорела».

Сын С. А. Салтыкова фельдмаршал Петр Семенович Салтыков, известный победами над знаменитым прусским полководцем королем Фридрихом, «прославился» тем, что покинул столицу в тяжелые дни чумы, охватившей город. Он писал в Петербург: «Кругом меня во всех домах мрут, и я запер свои ворота, сижу один, опасаясь и себе несчастья». Он уехал в свою подмосковную усадьбу Марфино, а в Москве остался командовать генерал Петр Еропкин, решительно подавивший бунт. В декабре этого же года Салтыков скончался.

Последним, пятым из Салтыковых, московским губернатором был его сын, также фельдмаршал, Иван Петрович Салтыков. Он сделал замечательную военную карьеру, выказав храбрость и полководческий талант, и был назначен Павлом I московским военным губернатором и главноначальствующим гражданской частью. По словам известного мемуариста Ф. Ф. Вигеля, «в графе Иване Петровиче Салтыкове можно было видеть тип старинного барства, но уже привыкшего к европейскому образу жизни; он любил жить не столько прихотливо, как широко, имел многочисленную, но хорошо одетую прислугу, дорогие экипажи, красивых лошадей, блестящую сбрую; если не всякий, то по крайней мере весьма многие имели право ежедневно садиться за его обильный и вкусный стол. В обхождении его, весьма простом, был всегда заметен навык первенства и начальства; вообще он был ума не высокого, однако же не без способностей и сметливости; он не чужд был даже хитрости, но она в нем так перемешана была с добродушием, что его же за то хвалили. Как воин, он более был известен храбростию, чем искусством».

В. Г. Перов. Портрет М. П. Погодина. 1872 г.

Салтыков плодотворно трудился в Москве до отставки в 1804 г., испрошенной им по возрасту и из-за пошатнувшегося здоровья.

В Москве насчитывалось три дома, принадлежащие Салтыкову: в одном из них, в усадьбе, выходившей и на Тверскую улицу, и на Большую Дмитровку, жила его дочь Прасковья, которая вышла замуж за сенатора Петра Васильевича Мятлева, представителя древнего дворянского рода, происходившего от легендарного Ратши, родоначальника Бутурлиных, Челядниных, Кологривовых и многих других известных фамилий. От него считали свой род и Пушкины:

Мой предок Рача мышцей бранной

Святому Невскому служил.

Одно время управляющим усадьбой был крепостной Салтыковых Петр Погодин, сын которого Михаил родился здесь 11 ноября 1800 г. и впоследствии стал знаменитым историком, журналистом и писателем.

В усадьбе отдельные строения сдавались внаем. Так, например, в 1828 г. здесь находился известный в Москве пансион Кистера, в котором тогда учился будущий знаменитый историк Грановский, участвовавший там в литературных вечерах.

По Большой Дмитровке стоял усадебный дом (№ 17), который сдавался Купеческому клубу. В нем до переезда в собственное здание на Малой Дмитровке находился Купеческий клуб, образованный в 1804 г. и переехавший сюда в 1839 г. Клуб был очень популярен, в нем принимали известных гостей города: в 1843 г. здесь выступал Ф. Лист. Рассказ о нем написал московский бытописатель В. А. Гиляровский: «Во время сезона улица по обеим сторонам всю ночь напролет была уставлена экипажами. Вправо от подъезда, до Глинищевского переуллка, стояли собственные купеческие запряжки, ожидавшие, нередко до утра, засидевшихся в клубе хозяев. Влево, до Козицкого переуллка, размещались сперва лихачи, и за ними гремели бубенцами парные с отлетом „голубчики” в своих окованных жестью трехместных санях».

Купеческий клуб, как и многие другие, существовал в основном за счет карточной игры, которая затягивалась далеко за полночь, а обеды в клубе славились по всей Москве: «Стерляжья уха; двухаршинные осетры; белуга в рассоле; „банкетная телятина”; белая, как сливки, индюшка, обкормленная грецкими орехами; „пополамные расстегаи” из стерляди и налимьих печенок; поросенок с хреном; поросенок с кашей. Поросята на „вторничные” обеды в Купеческом клубе покупались за огромную цену у Тестова, такие же, какие он подавал в своем знаменитом трактире. Он откармливал их сам на своей даче, в особых кормушках, в которых ноги поросенка перегораживались решеткой: „чтобы он с жирку не сбрыкнул!” – объяснял Иван Яковлевич. Каплуны и пулярки шли из Ростова Ярославского, а телятина „банкетная” от Троицы, где телят отпаивали цельным молоком.

Все это подавалось на „вторничных” обедах, многолюдных и шумных, в огромном количестве.

Кроме вин, которых истреблялось море, особенно шампанского, Купеческий клуб славился один на всю Москву квасами и фруктовыми водами, секрет приготовления которых знал только один многолетний эконо клуба – Николай Агафоныч...

На обедах играл оркестр Степана Рябова, а пели хоры – то цыганский, то венгерский, чаще же русский от „Яра”».

Уже после переезда Купеческого клуба на Малую Дмитровку в доме на Большой Дмитровке обосновался театр-варьете мулата Томаса из сада «Эрмитаж», который, как было сказано в одном из газетных обзоров городских развлечений, «достиг верхов безобразия». В журнале «Ресторанная жизнь» в 1913 г. помещалось такое объявление о нем: «Уютный зал *tête-à-tête*, *salon café* *Nare*m; первый раз в России Индейский оркестр, во главе танцовщица принцесса Чуха-Муха».

В советское время давались опереточные представления, там же был и «концертный зал имени Моцарта».

В 1926 г. удалось получить это помещение для оперной студии К. С. Станиславского, которая была образована еще в 1918 г. при Большом театре для того, «чтобы выработать актера, могущего не только петь, но и играть».

Некоторые постановки студии вызывали весьма резкую критику со стороны коммунистов от искусства. Так, мелодичный «Вертер» был снят с репертуара, несмотря на успех

у зрителей: рецензия в «Красной газете» вышла под названием «Кому и зачем мог понадобиться „Вертер“, этот музыкальный ублюдок?»).

Но, несмотря на это, власти неизменно поддерживали и оперную студию Станиславского (именно студийная постановка «Евгения Онегина» была представлена для дипломатических миссий в помещении английского посольства на Поварской), и музыкальную, организованную в Художественном театре Немировичем-Данченко, и в июле 1926 г. обоим предоставили помещение Дмитровского театра.

В 1941 г. вышло «Постановление Правительства о слиянии Музыкального театра имени Вл. И. Немировича-Данченко и Оперного театра имени К. С. Станиславского». Театр получает новое название – Московский государственный музыкальный театр имени народных артистов СССР К. С. Станиславского и Вл. И. Немировича-Данченко, которое со странноватым добавлением «академический» считается самым длинным названием театра в мире.

В 2000–2006 гг. театр подвергся реконструкции, и к нему были пристроены новые обширные помещения (архитектор А. В. Боков и др.), верхние части которых своими мрачными фасадами, похожими на казематы, выходят в основном в Козицкий переулок.

В самом конце XIX в. все бывшее салтыковское владение перешло к товариществу «Алексея Бахрушина Сыновья».

Часть усадьбы была застроена в 1904 г. большим комплексом жилых домов по проекту архитектора К. К. Гиппиуса. В одном из этих домов, фасад которого выходит в переулок, находилась квартира с двумя мастерскими и живописной школой известного художника конца XIX – начала XX в. С. Ю. Жуковского, у которого учились художник И. И. Нивинский и поэт В. В. Маяковский. Также в одном из этих домов с 1899 по 1909 г. жил певец Л. В. Собинов, а в 1930-х гг. – кинорежиссер Дзига Вертов. Здесь находилось издательство «Польза» В. М. Антика, известного своими сериями «Народный университет», «Педагогическая академия», «Универсальная библиотека» и др. Тут была последняя перед насильственным изгнанием квартира А. И. Солженицына, в которой 12 февраля 1974 г. он был арестован и увезен в Лефортовскую тюрьму, откуда выслан в Германию.

Козицкий переулок – это первый московский адрес поэта А. Т. Твардовского. Приехав в Москву в 1928 г., он остановился у друга в студенческом общежитии, которое помещалось в доме № 5, но вскоре нашел себе квартиру напротив, в доме № 2 (строение 7).

Глава II

Столешники

Между Большой Дмитровкой и Петровкой

Четыре переулка в этом районе города ограничиваются большими и оживленными магистралями – Большой Дмитровкой и Петровкой, старинной московской улицей, шедшей от городского торгового у стен Китай-города к Высоко-Петровскому монастырю.

Самый короткий из всех переулков – **Копьевский**, бывший Спасский, переименованный в 1922 г. по церкви Спаса, «что в Копье», 1636 г., имевшей редкую для московских посадских церквей шатровую форму. Название ее объясняли тем, что тут, недалеко от Кузнецкого моста, жили мастера-копейщики, изготавливавшие копья, хотя никаких доказательств этому не найдено. Время ее возникновения неизвестно, но по документам она уже существовала в 1621 г. В 1812 г. храм ограбили французские оккупанты, но он уцелел, однако церковное начальство решило его закрыть и снести – приход был совсем уж маленьким, только три дома числилось в нем. В июне 1817 г. ее разобрали, а строительные материалы передали в Чудов монастырь для ремонта, а участок ее отвели под проезд при планировке Театральной площади. Переулок соединяет Большую Дмитровку и Петровку, но фактически оканчивается, выходя на Театральную площадь. Перед большевистским переворотом часть его, шедшая по площади и позади Большого театра, называлась Щепкинским проездом.

В маленький переулок выходят всего несколько зданий, два из которых стоят на двух углах с Большой Дмитровкой. На левом углу – под № 1/6 здание Театра оперетты.

В начале XVIII в. весь квартал (до улицы Кузнецкий Мост) занимала немалая усадьба Ладыженских, старинного рода, давшего многих служилых людей, а в середине века она принадлежала князьям Прозоровским, производившим себя от князей Ярославских. У них в усадьбе стояли обширные каменные палаты, которые, значительно перестроенные, еще видны, если войти на улицу Кузнецкий Мост и обернуться сразу же направо: они стоят в глубине небольшой площадки (№ 2). Это одно из немногих в Москве мест, связанных с А. В. Суворовым. В семье отставного генерала князя Ивана Андреевича росла дочь Варвара на выданье. Отец Суворова настоял на том, чтобы сын сделал предложение: помолвка состоялась 18 декабря 1773 г., а 16 января 1774 г. состоялась свадьба. Жизнь четы Суворовых не сложилась, они то сходились, то расходились, но последние годы жизни провели отдельно друг от друга.

В начале XIX в. усадьба перешла к князю Дмитрию Щербатову, сын которого Иван оказался замешанным в возмущении Семеновского гвардейского полка, он был знаком со многими декабристами, за сестрой его Натальей ухаживали Якушкин и Шаховской, в этом доме часто бывал его родственник Чаадаев. Судьба Натальи Дмитриевны Шаховской была не менее трагична. Совместная жизнь ее с Федором Шаховским была недолгой. После 14 декабря 1825 г. он просил отправить его в Петербург, как писал позже «желая ускорить оправдание мое перед лицом государя императора». Уехал в Петербург, оставил беременную жену и шестилетнего сына, не предполагая, что обратно уже не вернется.

Ссылка, беспокойство за семью, пережитые несчастья тяжело отразились на здоровье Шаховского. Он сошел с ума. В марте 1829 г. он был переведен в суздальский Спасо-Евфимиев монастырь, где отказался принимать пищу и умер 24 мая того же года. Оставшись с двумя детьми, Наталья Дмитриевна Шаховская прожила долгую жизнь, она умерла в возрасте 89 лет в 1884 г.

В середине XIX в. все владение оказалось в руках купцов Солодовниковых, один из которых, Григорий, полностью изменил всю застройку, построив здесь в 1894 г. большое

театральное здание по проекту архитектора К. В. Терского. Здесь в спектакле мамонтовской оперы впервые пел Шаляпин, а дирижером выступил С. В. Рахманинов.

Угол Копьевского переулка занимает полностью перестроенный жилой дом (№ 2/4), состоявший из нескольких разновременных частей. Та, что выходила на Театральную площадь и в Копьевский переулок, была выстроена в 1897 г. по проекту А. Ф. Мейснера. В доме жили хормейстер Большого театра У. И. Авранек и исследователь творчества Л. Н. Толстого, автор книги «Л. Н. Толстой в Москве» Н. С. Родионов. Дом был отмечен мемориальной доской в честь А. А. Горского, реформатора старого классического балета, жившего здесь в 1906–1924 гг., но это, конечно, не помешало сломать дом. Теперь вместо этого дома, снесенного в 1995 г., построено театральное здание, а на угол Копьевского и Большой Дмитровки выходит лишь старый фасад.

Дом № 3 постройки 1895 г. (архитектор В. П. Загорский) находится на территории бывшей усадьбы князей Щербатовых и Голицыных, где во дворе сохранялись старинные палаты. Около дома в 1917 г. стояли два орудия, направленные на цитадель обороны юнкеров – гостиницу «Метрополь». Обстрел продолжался 1 и 2 ноября. «...Снаряды, то и дело ударяясь о стены гостиницы, рвались с невероятным треском, – вспоминал командир артиллеристов. – Со стен на тротуар летели кирпичи, железо, стекло. Точно в какой-то гигантской ступе кто-то дробил сильно звенящий предмет. Особенное удовольствие вызывало у солдат попадание в окна». После интенсивного обстрела здание гостиницы утром 2 ноября 1917 г. было занято большевиками.

За улицей Кузнецкий Мост (часть ее между Петровкой и Большой Дмитровкой называлась Кузнецким переулком) выходит следующий переулок – **Дмитровский**, который сохранил название древней дороги к Дмитровской слободе. До 1922 г. он назывался Салтыковским, по владельцу участка № 2/10 Сергею Васильевичу Салтыкову.

Сергей Васильевич Салтыков

Имя его было связано с одной из самых охраняемых тайн русских самодержцев. Его назначили камергером двора великого князя Петра Федоровича (будущего императора), и, женатый на фрейлине императрицы Елизаветы Петровны, Салтыков сразу же занял видное место при дворе. «Он был прекрасен, как день, – пишет Екатерина II, – и, конечно, никто не мог с ним сравниться ни при большом дворе, ни тем более при нашем. У него не было недостатка ни в уме, ни в том складе познаний, манер и приемов, какой дают большой свет и особенно двор. Ему было 26 лет; вообще и по рождению, и по многим другим качествам это был кавалер выдающийся; свои недостатки он умел скрывать: самыми большими из них были склонность к интриге и отсутствие строгих правил; но они тогда еще не развернулись на моих глазах».

Он был первым в длинном ряду фаворитов Екатерины II, и, как установлено в работе О. И. Иванова «Павел – Петров сын?», Салтыков, а не болезненный Петр Федорович и был отцом будущего императора Павла I. Правда, ходили разнообразные слухи: об одном таком сообщалось в статье «Исторического сборника вольной русской типографии». От Салтыкова Екатерина «родила мертвого ребенка, замененного в тот же день родившимся в деревне Котлах, недалеко от Ораниенбаума, чухонским ребенком, названным Павлом». Красавца Сергея Салтыкова тут же убрали из Петербурга, и послали за границу сообщить королю Швеции о рождении наследника престола, и потом определили по дипломатическому ведомству, посылая его то в одну европейскую столицу, то в другую, где он пользовался успехом, делая немалые долги. О нем мало что известно, и даже дата его кончины нигде не установлена.

Участок на углу Большой Дмитровки и Дмитровского переулка «Двора Его Императорского Высочества благоверного государя великого князя Петра Федоровича действитель-

ный камергер и нижнего саксонского округа чрезвычайный посланник» С. В. Салтыков купил за 300 рублей 7 мая 1756 г., а 24 мая его служитель подал челобитную о позволении постройки на порожнем участке «деревянного строения» – хором, трех изб с сенями, кухни, двух погребов, двух сараев, конюшни и амбара. Насколько известно, Салтыков не жил здесь, но известно, что его жена скончалась 24 апреля 1813 г. в Москве, в собственном доме, на углу Большой Дмитровки.

В 1858 г. Лев Николаевич Толстой приехал сюда зимой из Ясной Поляны вместе с сестрой и ее детьми. В тот же вечер (12 декабря) он посетил А. А. Фета и после посещения записал в дневнике: «Надо писать тихо, спокойно, без цели печатать». Тогда он увлекался педагогической деятельностью и пропагандировал новую систему обучения грамоте. Московский комитет грамотности пригласил его в Москву с тем, чтобы вынести свое суждение о его методе и сравнить его с другими. Через два дня после приезда Толстой давал пробный урок в школе при текстильной фабрике Ганешина на Девичьем поле.

Толстой жил в этом доме до весны следующего года, упорно – по 8 часов в день – работая над романом «Семейное счастье». Толстой уехал из Москвы 27 апреля 1859 г. и на протяжении следующих почти двух десятков лет приезжал в город лишь на короткие промежутки времени по неотложным делам.

В 1870-х гг. здесь располагалось Московское общество гимнастов, в 1890–1893 гг. редакция ежедневной «Московской иллюстрированной газеты» монархического направления, с литературными приложениями, где участвовали такие писатели, как Альбов, Буренин, Гнедич, Мамин-Сибиряк, Немирович-Данченко, Терпигорев, Ясинский; в 1920-х гг. располагалось издательство «Земля и фабрика»; в продолжение нескольких лет дом занимали гостиницы и меблированные комнаты, называвшиеся по-разному: «Тулон», «Ноблесс» и последняя уже в советское время, в 1920–1930-х гг., – «Россия». В 1902 г. несколько месяцев в меблированных комнатах «Тулон» жил В. Я. Брюсов; тут останавливались также артисты Художественного театра Л. М. Леонидов и А. И. Адашев, руководитель известной в Москве театральной школы «Адашевка», где преподавали мхатовцы Л. А. Суллержицкий, Р. В. Болеславский, В. И. Качалов, В. В. Лужский и из которой вышли Е. Б. Вахтангов и С. Г. Бирман и другие известные артисты. Здесь жил певец, композитор и знаменитый вокальный педагог У. Мазетти, работавший в 1899–1919 гг. в Московской консерватории и обучавший таких певцов, как Барсова, Нежданова, Обухова, Политковский.

На другом углу Дмитровского переулка в доме № 1/12 были квартиры книгопродавца И. Д. Ступина и артиста Д. Т. Ленского, автора популярного водевиля «Лев Гурыч Синичкин». В этом памятном доме многие годы находилась великолепная коллекция египетского искусства и ценнейшая библиотека Александра Васильевича Живаго, врача, в течение 30 лет работавшего в Голицынской больнице и увлекавшегося египетской куль турой. Во время многочисленных поездок в Египет он сумел собрать значительную коллекцию, став ученым-египтологом. После Октябрьского переворота ему помогли устроиться работать в Музей изящных искусств, где он стал ученым секретарем и экскурсоводом, и спасти его коллекцию, которая в 1940 г. перешла по завещанию в музей вместе с библиотекой, диапозитивами и архивом.

Другой собиратель не менее известной коллекции, но не с такой благополучной судьбой жил рядом в доме № 3. Владельцем его был купец Е. Е. Егоров. Архитектор И. Е. Бондаренко, автор многих прекрасных зданий русского модерна, вспоминал, как на торжественном открытии нового читального зала в Историческом музее, который он проектировал, он «увидел какого-то неряшливо одетого человека лет 50, с нечесаной головой и свалявшейся бородой, одетого в порыжелый и потертый старомодный пиджак и в стоптанные сапоги, никогда, очевидно, не чистившиеся. Он представлял что-то крайне нелепое среди публики во фраках... Это был Егор Егорович Егоров, богатый купец, пожертвовавший свое замеча-

тельное собрание икон музею. Коллекция его была известна всей Москве; действительно, в этом собрании находились уникальные вещи, иконы новгородской и московской школ XV и XVI веков. Одинокий Егоров скучал в своем огромном доме. Когда скука его одолевала, он ехал в Рогожскую к иконописцам-приятелям, отыскивавшим для него редкие иконы... Печальная судьба Егорова облетела московские газеты. Одиноким живущий в большом доме в Салтыковском переулке (на Петровке), Егоров никого не пускал к себе, исключая знатоков иконописи. Молва о его богатствах побудила каких-то бандитов пробраться к нему и зарезать его. Поднявший тревогу мальчик помешал грабителям. Оказалось, молва была не без основания: все комнаты были заставлены не только иконами, но и ценными золотыми и серебряными старинными вещами; много было парчи и других тканей; в бочонках из-под селедки нашли золотые монеты, кучи жемчуга и драгоценных камней. Много нашли денег в кредитных билетах, в рентах и в выигрышных билетах». Произошло это в ноябре 1917 г.

Теперь книжная и рукописная часть коллекции Егорова хранится в Российской государственной библиотеке, а иконы – в различных музеях.

В Дмитровском переулке нет домов старше второй половины XIX в. Правда, вызывает «подозрение» дом, расположенный внутри участка № 3, – он может быть и весьма старым, но документального подтверждения этому нет. В этом доме в 1850-х гг. жил армянский писатель Микаэл Налбандян; в 1860-х гг. – Л. Ф. Минкус, композитор, автор известных балетов «Дон Кихот» и «Баядерка»; в 1880-х гг. – актриса Н. В. Рыкалова, дебютировавшая двадцатилетней девушкой в кусковском театре Шереметева и поступившая потом в труппу Малого театра. На его сцене Рыкалова прославилась исполнением ролей пожилых женщин, и А. Н. Островский специально для нее написал роль Кабанихи в «Грозе». Здесь также жил скрипач В. В. Безекирский, ведший здесь «Общедоступные скрипичные классы».

Другой дом напоминает о судьбе и трагической смерти знаменитого русского ученого, палеонтолога В. О. Ковалевского. За свою короткую жизнь – он прожил всего 40 лет – Ковалевский успел сделать очень много. Его труды заложили основу новой науки – эволюционной палеонтологии, им был открыт названный его именем закон развития организмов в процессе приспособления их к окружающей среде.

К сожалению, научной деятельности Ковалевского мешала, по выражению его биографа, «горячка легкой наживы». Как писал сам Ковалевский, его «засосала нелепая мысль – вот обеспечу себя материально и затем примусь на свободе за научную работу». В последние годы он, будучи сам честным человеком, оказался замешанным в финансовые махинации нефтяной компании «Рагозин и К^о», и вскоре наступила трагическая развязка.

Газета «Московские ведомости» сообщала: «Утром 16 апреля 1883 г. прислуга меблированных комнат „Ноблесс“ по заведенному порядку стала стучать в дверь одного из номеров, занимаемого с прошлого года доцентом Московского университета титулярным советником В. О. Ковалевским, но, несмотря на усиленный стук, отзывать не было получено. Тотчас же об этом было дано знать полиции, по прибытии которой дверь была взломана. Оказалось, что Ковалевский лежал на диване одетый, без признаков жизни; на голове у него был одет гуттаперчевый мешок, стянутый под подбородком тесемкой, закрывающий всю переднюю часть лица».

Ковалевский покончил жизнь самоубийством, вдыхая хлороформ.

Владимир Онуфриевич Ковалевский

Он был женат на Софье Корвин-Круковской. Брак их был устроен для того, чтобы невеста могла выйти из-под родительского надзора и жить самостоятельно. Жених, однако, не на шутку увлекся ею, и брак их вскоре превратился из фиктивного в фактический. Перед смертью Ковалевский писал в неотправленном письме к брату: «Напиши Софье, что моя всегдашняя мысль была о ней и о том, как я много виноват перед нею и как я испортил ей жизнь...» Софья Ковалевская тяжело переживала смерть мужа – она отказывалась от еды и чуть сама не погибла.

Меблированные комнаты «Ноблесс», где умер В. О. Ковалевский, находились в доме № 9, два этажа которого показаны на плане 1825 г. В 1887 г. тут квартировал артист Ф. П. Горев. Там же была и типография и словолитня товарищества «С. П. Яковлев». Здесь жил классик научно-популярной литературы Даниил Данин. В 1995 г. дом кардинально перестроили.

В другой гостинице «Сан-Ремо», которая находилась на месте дома № 7, с декабря 1917 по июнь 1918 г. жил В. В. Маяковский.

Хорошо отделанный дом под № 11 с двумя эркерами был выстроен в 1887 г. по проекту архитектора П. Ф. Красовского.

На правой стороне в перестроенном в 1880 г. доме (архитектор К. В. Гриневский) в 1911 г. находилась редакция популярного в Москве юмористического журнала «Будильник». Рядом находится дом № 6, в котором в 1850–1870 гг. жил А. С. Никитин – архитектор московских театров и Оружейной палаты.

Дмитровский переулок выходит на Петровку, на углу которой в здании (№ 8), стоявшем здесь ранее, в 1888 г. в семье врача С. Д. Шагиняна родилась дочь, названная Мариэттой. Она стала известной писательницей, которая не только выжила в мрачные годы сталинского террора, но и получала премии и ордена, а ведь она осмелилась написать, что «открыла» калмыков в родословной Ленина, за что ее книгу запретили. Хорошо еще, что она назвала деда Ленина Израиля Бланка украинцем. С 1909 г. тут при художественном магазине К. Лемерсье находилась известная в Москве картинная галерея, где каждый год с сентября по май проходили выставки русских и иностранных художников. Галерею закрыли в 1934 г., ее здание разобрали и в конце мая 1954 г. построили школу по индивидуальному проекту. Теперь здесь новый дом (2005 г., архитектор Д. В. Александров и др.).

Наверное, самым популярным из московских переулков был когда-то **Столешников**. Почти в каждом его доме магазин, ныне запрещено автомобильное движение через переулок, и пешеходы здесь полные хозяева. Московские архитекторы разработали проекты превращения его и прилегающих участков в единый торговый центр, но пока тут обосновались дорогие магазины иностранных фирм, в которых видны в основном слоняющиеся продавцы. Поэтому когда-то оживленный Столешников, куда со всей Москвы приезжали купить особенно вкусные пирожные и торты, хорошие вина или редкие книги, опустел и превратился в заповедник для состоятельных покупателей.

Название переулка возникло в связи со слободой, где жили столяры, называвшиеся «столешниками». Переулок носил и название Рождественского по церкви, стоявшей на небольшой площади у Петровки, а также Мамоновым и Вагиным по фамилиям домовладельцев. В 1922 г. Столешниковым стали называть и соседний Космодамианский переулок, шедший от Большой Дмитровки к Тверской. По сведениям известного исследователя Москвы Н. А. Скворцова, в 1668 г. Гранатный двор находился в «Столечниках на Петровке».

Церковь Рождества Богородицы в Столешниках

У выхода переулка на Петровку стояла церковь Рождества Богородицы, выстроенная в основе своей в начале 1650-х гг., а ее шатровая колокольня – в 1702 г., но впоследствии церковное здание многократно перестраивали и изменяли. Ее трапезная и приделы были полностью перестроены в 1836–1841 гг. Церковь реставрировали в 1925 г. – восстановили старинное пятиглавие с кокошниками и... вскоре после реставрации снесли. В феврале 1926 г. в газете «Вечерняя Москва» можно было прочитать заметку под заглавием «Церковь, которую надо снести». В ней говорилось: «Все знают церковь на углу Петровки и Столешникова пер. Еще прошлым летом был поднят вопрос о сломке этой церкви, но вмешательство Главнауки при остановило разрешение этого вопроса. Главнаука на одном из куполов усмотрела признаки исторической ценности и никак не хочет лишить жителей Петровки этого „приятного“ соседства. Мы получили несколько писем от читателей, в которых они настаивали на сломке этого, никому не нужного здания, от чего значительно выиграет уличное движе-

ние в этом районе». Конечно, мнение нескольких читателей уважили, а в архиве осталась запись: «Разборка закончена 15 сентября 1927 г.». Через семьдесят лет – в 1997 г. – на ее месте поставили небольшую часовню (архитектор А. Н. Оболенский).

Самое молодое здание в переулке – угловое с Большой Дмитровкой (№ 5/20), его начали строить еще в 1914 г., но из-за военного времени оно оставалось неоконченным, и только в 1925 г. его достроил кооператив «Правдист» по проекту архитектора Н. А. Эйзенвальда. В доме были квартиры замечательного мастера слова К. Г. Паустовского, его друга писателя Р. И. Фраермана, а также М. Е. Кольцова, Е. Д. Зозули. Здесь жила талантливый москвовед, автор интересных исследований по театральной Москве Н. А. Шестакова, написавшая очерк о доме и его жильцах. Дом этот находится на месте усадьбы, принадлежавшей в конце XVIII в. генерал-аншефу графу И. Г. Чернышеву, очень близкому к Павлу I и получившему от него невиданный еще чин «генерал-фельдмаршала по флоту». От него усадьба перешла к сыну, Григорию Ивановичу, хозяину известного подмосковного имения Ярополец. Пушкин знал и его и его жену, бывал в Яропольце, и не исключено, что он и его родители посещали Чернышевых в их московском доме. Г. И. Чернышев жил открытым домом, давал дорогие праздники и, несмотря на богатство, все время испытывал денежные затруднения. К 1813 г. московская усадьба перешла к гвардии поручику Н. О. Кожину – тогда там на пересечении улицы и переулка стоял трехэтажный дом с закругленным углом. В 1831–1835 гг. Кожин сдавал помещения для питейного дома «Миюзский». По сведениям историка В. В. Сорокина, здесь в конце 1820-х гг. у своего университетского товарища Дмитрия Тиличеева, прототипа персонажа из драмы «Станный человек», бывал М. Ю. Лермонтов; в конце 1840-х – начале 1850-х гг. в доме находилась одна из первых московских фотографий «Дагерротипное заведение Пейшиса». В 1861 г. в газете «Московские ведомости» в номере от 10 августа москвичи прочитали объявление: «... я открыл в Москве музыкальный магазин под фирмою П. И. Юргенсон. Адрес: на углу Столешникова переулка и Большой Дмитровки, дом Засецкого». Здесь началась славная история знаменитой музыкальной издательской фирмы. Юргенсон вскоре перевел магазин по соседству в дом напротив, а с 1882 г. он приобрел большой участок в Хохловском переулке, где была построена большая нотопечатня.

Часть помещений в доме в Столешниковом переулке Юргенсон предоставил Русскому музыкальному обществу, где принимал посетителей Н. Г. Рубинштейн. Его в 1863 г. посетил здесь Рихард Вагнер, дирижировавший тремя концертами в Москве, встреченными любителями музыки с необыкновенным энтузиазмом.

Самое старое здание в Столешниковом переулке находится во дворе дома № 9 – левая часть его показана на планах XVIII в. Оно стояло на большом, малозастроенном участке, принадлежавшем в начале XIX в. Жану Ламирально, который с Петром Йогелем (о нем писал Лев Толстой в «Войне и мире») был лучшим в Москве учителем танцев. В его доме, уцелевшем в 1812 г., после изгнания наполеоновской армии разместилась Тверская полицейская часть, а также «воинская и пожарная команды и огнегасительные с лошадьми инструменты», те самые, которые по приказанию генерал-губернатора Ф. В. Ростопчина были вывезены перед оставлением города, что послужило веским доказательством обвинения его в пожаре 1812 г.

Ламираль, уехав во Францию, продал участок князю П. П. Гагарину, а потом виноторговцу Леве. Большой участок в 1873 г. разделился на две части: левая принадлежала семейству Леве, которые построили дом № 7 (1903 г., архитектор А. Э. Эрихсон) с известным в Москве винным магазином, а правая часть в 1874 г. застроена ныне существующим домом (№ 9, архитектор В. Н. Карнеев). Его владельцем был Д. Н. Никифоров, автор нескольких книг о Москве. В их числе интересные записки старожила «Из прошлого Москвы» и двухтомная «Старая Москва», изданные в 1900-х гг.

На третьем этаже этого же дома в продолжение почти половины столетия, с 1889 по 1935 г., прожил переехавший из соседнего дома другой москвич и москвовед, но значительно более известный, автор популярных очерков «Москва и москвичи» В. А. Гиляровский. «Было удивительно, – писал К. Г. Паустовский, – как может память одного человека сохранять столько историй о людях, улицах, рынках, церквях, площадях, театрах, садах, почти о каждом трактире старой Москвы». Он знал всю Москву – от высших представителей московской бюрократии до самых ее низов, и буквально «вся Москва» перебивалась в его квартире. С Гиляровским дружили А. П. Чехов, И. И. Левитан, Ф. И. Шаляпин и многие другие деятели русской культуры. Здесь жил и искусствовед В. М. Лобанов, в работах которого содержатся драгоценные сведения о жизни и творчестве художественной интеллигенции Москвы.

Рядом находится дом № 11 с нарядной отделкой фасада, построенный для купцов Карзинкиных в 1883 г. архитектором И. С. Богомолковым, который известен архитектурным проектом знаменитого московского памятника А. С. Пушкину. В. А. Гиляровский жил здесь в 1886–1889 гг.; в этом доме была последняя квартира поэта Мусы Джалиля и здесь жила известная актриса Д. В. Зеркалова.

По контрасту с этим ярким домом соседний (№ 13/15) выглядит очень буднично. Появился он в 1902 г. (проект Э. М. Розена), и в нем сразу же поместилась гостиница «Марсель». В ней перед Октябрьским переворотом 1917 г. жил пользовавшийся тогда огромным успехом певец А. Н. Вертинский. Современник вспоминал, как «он отсюда ходил на спектакли в костюме Пьеро, с густо набеленным лицом; ждавшие его у подъезда поклонницы провожали его до театра (в Петровских линиях. – *Авт.*), где он распевал „Затяните потуже на шейке горжеточку”».

Владимир Алексеевич Гиляровский

В этом здании часто устраивались разнообразные выставки. Так, в ноябре 1902 г. открылась нашумевшая выставка объединения «Мир искусства», в декабре 1902 г. – программная выставка прикладного искусства модерна, первая в России показывающая произведения нового стиля, в феврале 1905 г. – выставка Союза русских художников, где посетители увидели великолепные иллюстрации А. Бенуа к «Медному всаднику».

В начале XIX в. на месте дома № 13 было два отдельных участка. Один из них, на углу с Петровкой, в 1738 г. принадлежал премьер-майору Е. Л. Милюкову, в 1760-х гг. – бригадиру И. А. Маслову, в 1814–1828 гг. – князю М. П. Голицыну, в 1840 г. – княгине В. Г. Долгоруковой, а потом надворному советнику А. С. Мельгунову. В одном из строений на этом участке в 1820-х гг. жила замечательная балерина и хореограф Фелицата Виржиния Гюллен-Сор, а в 1830-х гг. находился женский пансион Елизаветы Дельмас.

Второй по переулку участок, значительно меньший по размеру и застроенный деревянными строениями, принадлежал в 1770-х гг. протоколисту А. Е. Левшину, а в начале XIX в. – А. Г. Решетникову, арендовавшему московскую губернскую типографию, издателю нескольких развлекательных журналов – «Дело от безделья...», «Прохладные часы...». Типографы того времени являлись не только предпринимателями, но и любителями и знатоками литературы. Сюда, к Решетникову, ходил Погодин из дома родителей на Земляном Валу менять книги для чтения. Потом он и жил в этой семье, много помогавшей Погодиным, особенно во время занятия Москвы французами.

В доме Решетникова в 1820-х гг. находилась редакция журнала «Галатей», здесь же жил издатель журнала, поэт и переводчик С. Е. Раич, находилась книжная лавка и библиотека для чтения Бува, в начале 1830-х гг. снимал квартиру, помещавшуюся над типографией, П. Я. Чаадаев.

В 1845 г. оба участка были объединены в руках его сына И. А. Решетникова. В то время участок был заполнен одно- и двухэтажными каменными строениями. Там москвичи могли в 1853 г. познакомиться с тех нологической новинкой: «Зала для снимания дагерротипных портретов Абади... Портреты снимаются в несколько секунд, невзирая ни на какую погоду, и выдаются не иначе, как по достижении полного успеха, как в искусстве, так и в самом сходстве портрета».

На этом участке в начале 1860-х гг. открылась гостиница «Англия», в которую Стива Облонский приглашает Левина:

«– Ну что ж, едем? – спросил он. – Я все о тебе думал, и я очень рад, что ты приехал, – сказал он, с значительным видом глядя ему в глаза. – Едем, едем, – отвечал счастливый Левин... – В „Англию” или в „Эрмитаж”? – Мне все равно.

– Ну, в „Англию”, – сказал Степан Аркадьич, выбрав „Англию” потому, что там, в „Англии”, он был более должен, чем в „Эрмитаже”. Он потому считал нехорошим избегать этой гостиницы...»

Правда, эта гостиница, как вспоминает В. М. Голицын, «почему-то сделалась излюбленным пристанищем дам полусвета, приехавших из Петербурга, а то из самого Парижа». В 1867 г. именно эту гостиницу выбрал М. Е. Салтыков-Щедрин, очевидно, не из-за ее специфической репутации, а вот другой постоялец хорошо знал, куда и зачем он ехал. Сюда вечером 25 июня 1882 г. приехал генерал М. Д. Скобелев, прославившийся подвигами во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и геройским подавлением народного сопротивления независимых среднеазиатских государств. Он после ужина прибыл в гостиницу к известной всей Москве (вернее, определенным потребителям) проститутке по имени Элеонора Ванда Роза, или Шарлотта Альпенроз. В середине ночи она в панике прибежала к дворнику и сказала, что у нее только что умер клиент. Его тут же узнали и перевезли в гостиницу «Дюссо» в Театральном проезде, где он остановился. Так сердце бравого генерала, пережившего столько смертельных опасностей, спасовало перед Элеонорой-Вандой-Розой-Шарлоттой Альпенроз...

Чтобы как-нибудь спасти реноме храброго воина, его поклонники до сих пор ищут следы страшных и тайных интриг врагов России, но найти так ничего и не могут.

Здесь жили историк М. В. Довнар-Запольский, автор исследований по истории экономики, в том числе интересной работы «Торговля и промышленность Москвы в XVI–

XVII вв.», патологоанатом А. И. Абрикосов, писатель Пантелеймон Романов, работавший тогда над созданием романа-эпопеи «Русь». Среди других живших здесь были знаменитые певцы Богумил Корсов и его жена Александра Крутикова; в 1920–1930-х гг. в доме жили известный дирижер Большого театра В. В. Небольсин, артисты оперетты Т. Я. Бах и Г. М. Ярон.

Правая, четная сторона Столешникова переуллка начинается от Большой Дмитровки неброским, недавно полностью перестроенным домом № 10, где находился нотный магазин Петра Юргенсона, переведенный сюда 1 августа 1864 г. из дома на против. В доме поселился музыкальный критик Н. Д. Кашкин: «В нанятом им Юргенсоном помещении было несколько лишних комнат, и две из них наняли у него мы с покойным К. К. Альбрехтом... Ларош (музыкальный критик. – *Авт.*) начал бывать у меня, когда я переселился уже в это помещение. В одной из задних комнат магазина стояли две рояли, которыми мы с Ларошем и пользовались для игры в четыре руки, а иногда и на двух фортепиано; магазин был хорошо снабжен различными переложениями всякого рода, и мы пере играли много музыки...»

В дни помпезного празднования 850-летия Москвы не остановились перед сносом незаурядного архитектурного и исторического памятника в Столешниковом переулке. Перед визитом президента московские власти решили убрать мозоливший глаза начальству старинный дом № 12, который в пушкинское время принадлежал купцу Д. Вагину. Он сдавал его под канцелярию московского обер-полицмейстера, и сюда в январе 1827 г. вызывали А. С. Пушкина для дачи показаний по делу о «возмутительных стихах на 14 декабря 1825 года» – об отрывке из элегии «Андрей Шенье», запрещенном цензурой и ходившем по рукам:

О горе! О безумный сон!
Где вольность и закон? Над нами
Единый властвует топор.

И вслед за Пушкиным мы могли бы воскликнуть сейчас: «Где закон?» Небольшой двухэтажный дом, стоявший на месте левой части современного здания (№ 14), также был связан с памятью о Пушкине. В середине июля 1826 г. его нанял сроком на один год «отставной прапорщик Евгений Абрамов сын Баратынский», и Пушкин, приехавший в Москву 8 сентября этого же года после михайловской ссылки, бывал в нем. Здесь у своего давнего знакомого, поэта Баратынского, он читал «Бориса Годунова». Владел тогда этим домом профессор Московского университета М. Я. Малов, «прославившийся» грубостью и ретивой защитой российских порядков. Это о нем говорили, что в одном из отделений университета «без Малова девять профессоров». После шумного протеста студентов на лекции Малова, в котором, в частности, принимали участие Лермонтов и Герцен, описавший позднее его в «Былом и думах», незадачливого профессора были вынуждены навсегда уволить из университета.

Здесь жил в 1806–1811 гг. юрист Николай Сандунов, который, как было сказано в его биографии, «принадлежит к числу достопамятных личностей Московского Университета». Он читал лекции законоведения в университете и «вместе служил оракулом города Москвы для вопрошающих о правосудии и для ищущих правосудия. Двери его дома были открыты для всех желавших его видеть». Участок этот также принадлежал династии купцов Лукутиных, один из которых был основателем промысла лакированных изделий в подмосковном селе Федоскине. В одном из многочисленных строений здесь располагался трактир, излюбленный извозчиками, самый удобный – он находился в центре – и славившийся хорошей едой. Как вспоминал Гиляровский: «В каждом трактире был обязательно свой зал для извозчиков, где красовался увлекательный „каток“ (так назывался длинный стол с блюдами), арендатор которого платил большие деньги трактирщику и старался дать самую лучшую про-

визию, чтобы привлекать извозчиков, чтобы они говорили: „Едем в Столешников. Лучше „катка” нет!” И едут извозчики в Столешников потому, что там очень уж сомовина жирна и ситнички всегда горячие».

После перехода владения к купцам Карзинкиным вместо старых зданий в 1900 г. построен существующий дом (№ 14) по проекту В. В. Баркова. В нем жили архитектор К. А. Дулин, автор здания Хлебной биржи в Гавриковом переулке, изобретатель системы записи звука на пленку П. Г. Тагер, певица И. Д. Юрьева, тенор, солист Большого театра А. М. Додонов, автор «Руководства к правильной постановке голоса и изучению искусства пения», преподававший в своей школе пения. Как и во многих других домах Столешникова, в нем находилось много магазинов. В один из них, посудный, фирмы «Торговый дом В. Бодри» заходил Чехов и закупал там различную посуду и прочие товары для своего ялтинского дома.

Далее располагались строения, появившиеся после переделки Столешникова в пешеходную зону. Тогда построили большое здание гостиницы «Мариотт-Аврора» на Петровке и снесли несколько домов по правой стороне переулка под № 16 и 18. Из них особенно интересным внешне был двухэтажный дом № 16, отделанный керамической плиткой по фасаду с элементами декора в стиле модерн. В соседнем доме № 18 находились меблированные комнаты «Ливерпуль», ставшие в советское время гостиницей «Центральная». На первом этаже были разные магазины, а также кафе «Густые сливки», облюбованное московскими литераторами.

Петровский переулок с левой стороны начинается щедро украшенным домом (№ 30/1), три этажа которого были построены в 1893 г. по проекту архитектора Л. Н. Кекушева, а два последних надстроены в 1937 г. В доме жил Сергей Александрович Бахрушин, известный коллекцией табакерок XVIII в., художественной мебели, а также картин, среди которых были работы Репина, Коровина, Левитана. В этом доме с 1914 по 1917 г. находилась редакция журнала «Рампа и жизнь», популярного, хорошо иллюстрированного журнала, рассказывавшего о жизни театров Москвы, Петербурга и провинции, помещавшего стихи, рассказы, статьи и материалы о знаменитых актерах XIX в. Бессменным редактором его был Л. Г. Мунштейн, который «всегда отстаивал интересы актерской братии и воевал с антрепренерами». Его стихотворные пародии, эпиграммы под псевдонимом Лоло были широко известны, его называли «рифмующим фельетонистом». Его рассказы, пародии, романы издавали почти каждый год.

С правой же стороны Петровский переулок начинается домом (№ 28), в котором только опытный глаз заподозрит классический особняк второй половины XVIII в. Он принадлежал действительному статскому советнику князю Г. Г. Шаховскому, потом его сыну Борису Григорьевичу, известному театральному деятелю, устроившему крепостной театр на Макарьевской ярмарке, из которого вышли многие известные артисты. У него был театр и в Москве, где-то в Серпуховской части, но где — неизвестно, так же как неизвестна и его дальнейшая судьба, но есть косвенные свидетельства, что и здесь, на Большой Дмитровке, могли устраивать театральные представления. Дом этот перешел к его дочери Елизавете Шаховской, которая вместе с матерью, урожденной баронессой Строгановой, долго жила за границей, там влюбилась в принца д'Аренберга, бывшего одним из главных участников революционных волнений в Нидерландах, и вышла за него замуж. Узнав, что ее подданная, владевшая 13 тысячами крепостных, вышла замуж за революционера, милосердная и добросердечная Екатерина II приказала Синоду их развести (несмотря на то что у них уже был ребенок), так как «по его развратности, от чего Боже сохрани, может выйти беда», а матери и дочери вернуться на дорогую родину.

В России Е. Б. Шаховскую выдали замуж за ее однофамильца князя Петра Федоровича Шаховского, и, как писал современник, «надолго ли сие я не знаю, новобрачный сильно

кашляет, знаки давно примечены – у него чахотка. Как быть? Хоть на час, да вскачь». Но он прожил после этого еще почти полстолетия, а молодая красавица жена скончалась в следующем году 23 лет от роду.

Говорили тогда, что она отравилась: «Сие происшествие, особливо в лучшем обществе столь необыкновенное, произвело много шума и различных толков». Уверяли даже, что принц д'Аренберг проник в Россию и пробрался в дом к красавице княгине и в результате свели счеты с жизнью и он и она...

Следующая владелица, дочь от брака с П. Ф. Шаховским Варвара Петровна Шаховская, вышла замуж за Павла Андреевича Шувалова, участника войн с Наполеоном, сопровождавшего его в качестве представителя России в изгнание на остров Эльба, владельца крупных металлургических заводов в Перми, скончавшегося в декабре 1823 г. и оставившего двух маленьких сыновей. Овдовев, Варвара Петровна уехала в Швейцарию и провела там несколько лет на вилле, стоявшей на берегу Женевского озера. В 1826 г. она встречает и по страстной любви выходит замуж за швейцарского француза, получившего графский титул от французского короля и вступившего в русское подданство, – Адольфа Александровича Полье. Они переезжают в Россию. Граф прожил в России всего около трех лет, но его имя осталось в русской истории. Он серьезно интересовался минералогией, что отметил сам Гумбольдт, известный немецкий естествоиспытатель и географ, с которым он путешествовал по Уралу, и благодаря Полье было открыто первое в России месторождение алмазов: он приехал на принадлежащий его жене Бисертский завод и приказал тщательнее, чем обычно, промывать отвалы золотоносной породы. При промывке четырнадцатилетний подросток Павел Попов обнаружил 5 июля 1829 г. полукаратный кристалл алмаза, за что получил вольную. Потом нашли еще два, из которых один подарили Гумбольдту (этот алмаз хранится в Берлинском музее), а другой отправили в Петербург.

В следующем году граф А. А. Полье 35 лет от роду скоропостижно скончался от чахотки. Его безутешная вдова в Парголово, имении под Петербургом, построила храм в его память и проводила там ночи напролет... Пушкин ее знал, он писал Наталье Николаевне 30 июля 1830 г.: «Я еще не видел Катерины Ивановны (тетки ее Е. И. Загряжской. – *Авт.*); она в Парголово, у графини Полье, которая почти сумасшедшая; она спит до 6-ти часов вечера и никого не принимает».

Через три года она вместе с сыновьями и сестрой друга Пушкина Ю. К. Кюхельбекер уехала за границу, и тогда в петербургском обществе распространились слухи о ее замужестве. Пушкин записал в дневнике: «Из Италии пишут, что Гр[афиня] Полье идет замуж за какого-то Принца, вдовца и богача – похоже на шутку, но здесь об этом смеются и рады верить», в сентябре 1835 г. спрашивал жену, «верить ли, чтоб Гр[афиня] Полье вышла замуж наконец за своего Принца». Слухи вскоре оправдались в 1836 г.: она в третий раз вышла замуж. Ее муж Джордж Вильдинг, англичанин, вдовец, был женат на представительнице древней дворянской фамилии из Палермо и получил звонкий титул князя ди Бутера и ди Радоли. Его назначили посланником неаполитанского короля при петербургском дворе, и супруги переехали в столицу России.

Приходясь, по матери, внучкой княгини В. А. Шаховской, урожденной баронессы Строгановой, княгиня Бутера унаследовала значительную часть строгановских богатств и обладала огромным состоянием, которое за границей казалось неисчерпаемым: одних своих собственных у нее было 65 тысяч десятин земли, да в общем владении с князем С. М. Голицыным 269 тысяч десятин, а в общем владении с другими наследниками Строгановых – еще 867 тысяч десятин. Всеми уважаемая и любимая за ее доброту, широкое гостеприимство и радушие, княгиня В. П. Бутера охотно помогала тем, кто обращался к ней с просьбой о вспомоществовании. Когда позже она постоянно жила за границей, к ней часто обращались за денежной помощью молодые офицеры, и она никогда не отказывала в ней.

Они были хорошо известны в петербургском свете и были знакомы с пушкинской семьей: именно муж и жена Бутера были свидетелями на свадьбе Дантеса и Екатерины Гончаровой.

Однако и третий муж Варвары Петровны прожил недолго – он скончался в 1841 г., и на этот раз она покинула Россию навсегда и жила за границей. Скончалась она 24 декабря 1870 г. О другой владелице этого дома, Варваре Васильевне Голицыной, известно то, что она держала тут театр, в зале которого помещались 130 зрителей.

Перед Октябрьским переворотом дом занимало реальное училище И. И. Александрова, известного московского педагога и математика. В советское время тут находилась 12-я опытная школа памяти декабристов.

Этот дом известен в московских летописях как один из имеющих подземный ход. О нем рассказывали на заседании общества «Старая Москва» – там якобы нашли прикованные к стенам скелеты...

Петровский переулок переменял несколько названий. В XVIII в. это был Хлебный и Хлебин, потом Богословский – по храму Св. Григория Богослова, стоявшему на месте пустыря на левой стороне. Он был выстроен заново на месте древнего храма, построенного в 1638 г. и перестроенного в 1709–1722 гг. Постройка нового большого храма производилась в 1876–1879 гг. по проекту архитектора Иосифа Каминского (брата более известного архитектора Александра), который оставил от старинной церкви лишь шатровую колокольню. В 1922 г. переулок стал Петровским (по близости к Высоко-Петровскому монастырю), а в 1946–1992 гг. назывался улицей Москвина – по фамилии актера, выступавшего в здании (№ 3), построенном для одного из первых частных театров в Москве.

Сразу после отмены театральной монополии в 1882 г. молодой помощник присяжного поверенного, любитель театра Ф. А. Корш основал частный театр, которому было суждено прожить долгую жизнь, – его закрыли лишь в 1932 г. В советское время он именовался театром «Комедия» и Московским драматическим.

Федор Адамович Корш (1852–1923) окончил известный московский Лазаревский институт восточных языков и юридический факультет Московского университета. У него была неплохая практика, но «внутри горел огонь искусства» – без театра он не мог существовать. После отмены государственной монополии на театральные представления его театр буквально расцвел.

Федор Адамович Корш

Дебют театра Корша 30 августа 1882 г. – комедия Гоголя «Ревизор» – прошел с исключительным успехом в здании в Камергерском переулке, где теперь находится Художественный театр. В Богословском переулке театр Корша начал свои представления с 1885 г. Братья Петр, Василий и Александр Бахрушины отдали Ф. А. Коршу большой участок на 12 лет на весьма выгодных условиях, и вдобавок еще и пожертвовали 50 тысяч рублей на строительство театра. Здание было построено необычайно быстро. Как вспоминал брат А. П. Чехова Михаил, театр «выстроился быстро, по щучьему велению. Его строили и днем и ночью, при электрических дуговых фонарях... И когда он был открыт, в нем сильно пахло сыростью и в некоторых местах текло со стен».

Как писал сам Корш, сложный проект был разработан архитектором М. Н. Чичаговым необыкновенно быстро: 5 мая 1885 г. в основание театра был положен первый камень, а уже 30 августа состоялось торжественное открытие, на котором были показаны отрывки из «Горя от ума», «Ревизора» и «Доходного места». Особенностью нового театра было электрическое освещение сцены, зрительного зала, фойе и артистических уборных.

«Это тогда было новостью необыкновенной, – писала ведущая артистка театра А. Я. Глама-Мещерская, – и даже в Большом и Малом театрах еще пользовались газом; правда, новое освещение было далеко не совершенно. Лампочки давали свет желтоватый и горели ненадежно... Тем не менее впечатление новое освещение производило огромное».

Театр вскоре стал очень популярен. Корш снизил цены на билеты чуть ли не вдвое, и к нему пошел небогатый зритель – мелкие чиновники, учащая молодежь, ремесленники. Театр славился актерами: там выступали П. Н. Орленев, В. Н. Давыдов, А. П. Кторов, И. М.

Москвин, А. А. Остужев, Е. М. Шатрова и другие известные артисты. На его сцене нередко шли классические пьесы. Самым исполняемым автором был А. Н. Островский, а из его пьес – «Гроза». Впервые в Москве, «у Корша», увидела свет «Власть тьмы» Л. Н. Толстого, поставлены «Нора» и «Доктор Штокман» Г. Ибсена. Этот театр – место рождения Чехова-драматурга: в 1887 г. поставлен «Иванов». «Пьесу я написал нечаянно, – вспоминал Чехов, – после одного разговора с Коршем». На репетициях начинающий драматург скромно сидел в уголке партера и не вмешивался в постановку, а на премьере очень волновался. На следующий день он отправил письмо брату: «Театралы говорят, что никогда они не видели в театре такого брожения, такого всеобщего аплодисменто-шиканья, и никогда в другое время им не приходилось слышать стольких споров, какие видели и слышали они на моей пьесе. А у Корша не было случая, чтобы автора вызывали после 2-го действия».

Но здесь шли и невзыскательные творения сейчас уже основательно забытых авторов – ведь «у Корша» каждую пятницу была премьера. Большой заслугой Ф. А. Корша были его утренники, на которые за время существования театра было разослано несколько сот тысяч бесплатных билетов для учащихся. Корш отправлял и бесплатные билеты неимущим студентам, жившим в Ляпинском общежитии (Большая Дмитровка, 26). На этих утренниках, как правило, ставились пьесы классического репертуара: «Московская молодежь очень любила Коршевский театр, дававший ей возможность за двадцать-тридцать копеек наслаждаться игрой тех самых артистов, которых вечером смотрели взрослые зрители за дорогую цену. Корш шел навстречу молодежи и ласково относился к ней».

Театр Корша (Петровский переулок, № 3)

Благодаря умелой коммерческой хватке театральная антреприза Корша оказалась самой длительной в истории русского театра. В 1917 г. из-за плохого здоровья Корш отошел от театра, в последние годы он жил под Москвой, в Голицыне, а его театр преобразовали в

товарищество артистов и в 1925 г. включили в сеть государственных. В 1933 г. его закрыли. «31-го января был последний спектакль в театре „Корш“, – писал известный артист Н. М. Радин тогда. – Бесславно кончил он свое 50-летнее существование; люди, ликвидировавшие его, не посчитались ни с чем – ни с прошлым, в котором было много значительного, ни с самолюбием работавших там актеров, ни даже с почтенной юбилейной датой. Приказом Наркомпроса художественный состав распределен между московскими театрами, которым, конечно, не очень приятно обременять себя таким „принудительным ассортиментом“, и здание со всем инвентарем, кроме декораций и костюмов, передано МХАТу, который 1-го марта начинает там играть».

В настоящее время здесь помещается так называемый Театр наций, основанный в 1987 г. под названием Театр дружбы народов, который занимается организацией гастролей, проведением фестивалей и пр.

Здание театра памятно тем, что в нем в день открытия сезона 1897/98 г. состоялась одна из первых в Москве демонстраций кинофильмов, которые были сняты актером – энтузиастом кино В. А. Сашиним-Федоровым.

Театр Корша построен на части огромной усадьбы (№ 3, 5 и 7), принадлежавшей в начале XVIII в. князю И. Г. Долгорукову, перешедшей от него к сестре А. Г. Салтыковой и продавшей ее содержателю полотняной фабрики купцу Савве Тетюенинову, у которого здесь, вероятно, она и находилась. От него усадьба перешла к братьям Твердышевым, а в 1793 г. вся усадьба переходит к богачу, заводовладельцу М. П. Губину, который заказал проект одного из самых представительных московских дворцов архитектору М. Ф. Казакову, в 1790-х гг. выстроившему прекрасное здание (Петровка, 25), один из шедевров классицизма. Особенно красиво торжественное обрамление окон на боковых крыльях дома.

Рассказывали, что владелец дома покрыл крышу такими толстыми и прочными листами железа с собственных заводов, что она простояла без ремонта более ста лет. После Губина усадьба досталась его племяннику Н. А. Рахманову, а от него – его дочери Е. Н. Самариной, которой усадьба и принадлежала до Октябрьского переворота.

Здание арендовали несколько учебных заведений: там находился известный пансион Циммермана, с 1871 по 1905 г. одна из лучших московских частных гимназий Ф. И. Креймана, в которой учились поэт В. Я. Брюсов, композитор С. И. Василенко, историк Ю. В. Готье, языковед А. А. Шахматов и многие другие деятели науки и искусства, потом женская гимназия В. В. Потоцкой, реальное училище Виноградова и Козинцева. После переворота 1917 г. в доме обосновались воинские части, а в 1922 г. дом занял «физико-механо-ортопедический институт»; еще сравнительно недавно тут находился Научно-исследовательский институт ревматизма, с 15 декабря 1999 г. – Музей современного искусства.

На части усадьбы в 1934 г. выстроили дом (№ 25а) под общежитие работников милиции (архитекторы Н. И. Гребенщиков, В. С. Совков).

Позади построек, выходивших на Петровку, находился большой сад с прудом. В XIX в. тут обосновалось цветочное хозяйство Фомина, а пруд зимой служил катком, где проводились и спортивные состязания: так, в 1893 г. «Московская газета» сообщала, что «на катке сада при театре Корша 6 февраля состоялись состязания дам-конькобежцев на призы». В 1896 г. территория сада была застроена – на ней появились шесть почти одинаковых жилых домов (№ 5) по проекту архитектора А. Л. Обера. Это редкий в то время пример свободной постановки строений, ибо в большинстве случаев дорогу в центре города землю старались полностью использовать под застройку.

В 1920-х гг. эти дома были 1-й Московской рабочей коммуной печатников и пищевиков. Здесь с 1906 по 1909 г. была квартира пианиста К. Н. Игумнова, а в 1918–1923 гг. у своего друга поэта А. Б. Мариенгофа здесь жил С. А. Есенин. На двери их квартиры на третьем этаже висело объявление: «Поэты Есенин и Мариенгоф работают. Посетителей просят не

беспокоить». Есенин тогда действительно много работал – он заканчивал «Пугачева». Также здесь жили артисты М. И. Бабанова, Д. Н. Орлов и В. О. Топорков.

На другой, четной стороне Петровского переулка стоят рядом два здания (№ 6 и 8), олицетворяющие 300 лет истории московского зодчества на его главнейших этапах – московского, или нарышкинского, барокко XVII в., классицизма XVIII в. и модерна рубежа XIX–XX вв.

Во многих трудах, посвященных Москве, утверждалось, что дом № 6 построен в 1830-х гг. В это время здесь жил известный архитектор, создатель послепожарной Москвы Осип Иванович Бове – ему и приписывалось авторство. В некоторых работах высказывалось предположение, что дом старше – второй половины XVIII в. Но когда реставраторы начали производить натурные исследования этого дома, то под штукатуркой выявились детали XVII в., а здание оказалось древними палатами, да еще почти полностью сохранившимися. На заднем фасаде сейчас можно увидеть архитектурные детали нарышкинского барокко конца XVII в. – сочные, виртуозно выложенные наличники окон, орнаментальный пояс-поребрик, сдвоенные угловые колонки.

Историю дома исследовала искусствовед Е. И. Острова. В 1716 г. участком, где стоял дом, владел стольник Дмитрий Протасьев – он первый, документально подтвержденный хозяин. В 1731 г. дом переходит к князьям Трубецким, и при них, вероятно, в конце XVIII в. фасад получает современное оформление. Одна из Трубецких вышла замуж за архитектора О. И. Бове, что тогда вызвало удивление и осуждение высшего московского света. Как писала современница, «Москва помешалась: художник, архитектор, камердинер – все подходят, лишь бы выйти замуж». Лакей и архитектор стояли на одной ступеньке общественной лестницы...

В 1833 г. «чиновница 7-го класса Авдотья Бове» продала главный дом и большую часть владения, оставив за собой небольшую долю (где сейчас дом № 8). Надо сказать, что супруги Бове часто сдавали главный дом внаем. Так, в конце 1820-х гг. в нем постоянно жил генерал-майор М. А. Дмитриев-Мамонов, один из создателей ранней преддекабристской организации – «Ордена русских рыцарей». Дмитриев-Мамонов в 1812 г., будучи одним из самых богатых людей в России, вызвался на свой счет набрать, обмундировать и вооружить целый полк. Тогда, в начале Отечественной войны, как писал А. С. Пушкин в своем неоконченном романе «Рославлев», «езде повторяли бессмертную речь молодого графа Мамонова, пожертвовавшего всем своим состоянием. Некоторые маменьки после того заметили, что граф уже не такой завидный жених». Он был назначен шефом полка в чине генерал-майора и за участие в сражениях при Тарутине и Малоярославце был награжден золотой саблей с надписью «За храбрость».

У него рано обнаружили признаки душевной болезни, которые послужили причиной взятия в опеку его имения. Прожил он долгую жизнь и погиб на 73-м году, когда на нем случайно загорелась рубашка, облитая одеколоном.

Одним из владельцев бывшего дома Бове в 1840-х гг. был богатый золотопромышленник, известный в Москве меценат П. В. Голубков. Сохранилось описание дома, сделанное этнографом П. И. Небольсиным. Здесь находились картинная галерея с произведениями Рубенса, Греза, Тенирса и коллекция различных редкостей, в которой были шкатулка наполеоновского маршала Мюрата и рукописный экземпляр «Путешествия из Петербурга в Москву» Радищева. Перед захватом власти большевиками дом принадлежал генерал-майору М. В. Сокол, инициалы которой можно видеть в кружевном переплетении ограды балкона. В 1920-х гг. тут помещался Всерокомпом – Всероссийский комитет помощи больным и раненым красноармейцам. Около 10 лет в этом доме прожил известный певец Г. М. Нэлепп.

А что же с загадкой дома? Когда же он появился и кому принадлежал? Первая известная дата владения домом – 1716 г. А раньше? Документов нет, или, скорее, они еще не обна-

ружены. Нашлась только любопытная запись в дневнике исследователя истории Москвы И. М. Снегирева, сделанная 3 декабря 1846 г.: «...от П. Ф. Карабанова (владелец прекрасной коллекции древностей, знаток истории Москвы, живший неподалеку. – *Авт.*) слышал, что дом Голубкова у Св. Григория Богослова принадлежал последнему патриарху». Речь идет о патриархе Адриане (1690–1700) – противнике петровских реформ, после смерти которого Петр I уничтожил патриаршество и учредил Синод. Возможно также, что дом выстроил кто-то из семьи Нарышкиных, как предположила автор книги об этом доме Л. Н. Данилова.

Известно, что в этих местах, согласно переписи 1668 г., находился двор «головой стрелецкого» Федора Нарышкина, брата влиятельного при Алексее Михайловиче и Петре I Кирилла Полуэктовича Нарышкина, отца царицы Натальи. От Федора это владение могло перейти к Кириллу, и потом к его сыну Льву Кирилловичу, и в свою очередь от него – к дочери Анне Львовне, в 1731 г. получившей двор с обширными каменными палатами в приданое при выходе замуж за князя Андрея Юрьевича Трубецкого.

С этим домом, так причудливо и таинственно соединившим черты нарышкинского барокко и зрелого классицизма, соседствует детище другого времени, близкого нам. Отличительные признаки нового стиля – мягкие, изогнутые очертания оконных проемов, орнамент из текучих линий, женские головки с распущенными волосами – характеризуют декор эпохи модерна конца XIX – начала XX в. Первоначально этот дом (№ 8) был построен супругами Бове для себя, но уже в нашем столетии небольшой ампирный дом был совершенно неузнаваемо перестроен – он стал не отличим от многих особняков, выстроенных тогда в новомодном стиле модерн. Дом был построен для богатого бакинского купца, одного из нуворишей капиталистической Москвы Н. А. Терентьева с необыкновенной роскошью – в газетах писали об обстановке, заказанной в Париже и стоившей сотни тысяч франков. Интересно отметить, что проект этого особняка, построенного в 1902 г., принадлежит архитектору И. А. Иванову-Шицу, автору зданий Купеческого клуба (ныне театр Ленком) и университета Шанявского (ныне здание Академии общественных наук), отмеченных печатью сухости, рационалистичности, свойственной одному из направлений этого стиля. В советское время дом был совершенно беспардонно нахлобучен двумя этажами, никак не гармонирующими с его отделкой. В середине 1920-х гг. в здании находилось посольство Мексики, а совсем недавно – редакция глянцевого пропагандистского журнала «Советский Союз».

Переулок кончается хозяйственными строениями бывшей усадьбы богатого купца Г. А. Кирьякова (№ 10/23), главный дом которой сохранился – он был построен в конце XVIII в. с участием М. Ф. Казакова. Кирьяковы – одни из тех немногих купцов, которым по грамоте городам 1785 г. было присвоено звание именитых граждан, получивших значительные привилегии, вплоть до жалования дворянства. Он, как и его родственник (они были женаты на родных сестрах) и сосед, живший по другую сторону Петровского переулка, купец Михаил Губин, имели значительную торговлю, и в том числе с заграницей, оба они завели прибыльные текстильные фабрики. В 1840–1850-х гг. усадьбой владел известный в Москве коллекционер П. Ф. Карабанов. Его посещали здесь историки И. М. Снегирев, А. А. Мартынов и М. П. Погодин, оставивший описание коллекций. «Кто бы мог поверить, – восклицал он, – что в Москве, где столько любителей и знатоков, есть еще огромные собрания, не описанные и почти неизвестные... Глазам своим не верил я, видя пред собою многочисленные сокровища, собранные с таким знанием дела и в такой полноте, сохраняемые в таком порядке: сосуды, чаши, братины, чарки, ложки, образа, кресты, серьги, перстни, медали, монеты, рукописи, столбцы, рисунки, книги, автографы, портреты. Взоры мои перебегали от одних предметов к другим, и я не знал, на чем остановиться, так все любопытно, важно, ново». Сам хозяин дома не был чужд истории Москвы – он опубликовал список градоначальников Москвы, а также несколько других справочных работ. В середине XIX в. здесь жил князь М. А. Оболенский, археограф, руководитель Московского архива Министерства иностранных

дел. В конце 1880-х гг. тут помещалось Мариинское училище, а в начале XX в. – зубо-врачебная школа и лечебница, где применялся механотерапевтический массаж, а в советское время – физиотерапевтическая поликлиника.

Глава III

Охотный Ряд

Сейчас Охотный Ряд – это короткая и широкая улица, соединяющая Театральную и Манежную площади, на которой всего четыре здания. Три из них стоят на северной стороне – здание Государственной думы, Дом Союзов и дом на углу Большой Дмитровки и Театральной площади, в котором помещается вестибюль двух станций метро – «Охотный Ряд» и «Театральная», а на южной стороне всего одно здание – гостиница «Москва».

На ее месте и находился сам торговый Охотный ряд, название которого было хорошо известно в старой Москве – оно служило синонимом вкусной и разнообразной пищи. Охотный ряд был аналогом знаменитого «чрева Парижа». Как писали в середине XIX в., площадь Охотного ряда «есть первая в своем роде, во всей Москве по многочислию и разнообразию предметов, до кухни относящихся».

До нас дошли самые разнообразные отклики об этом колоритном месте – одни хвалили качество и разнообразие здешних товаров, а другие ругали грязь и нравы торговцев...

Путеводитель 1827 г. так писал о главном московском рынке: «Все, что только может льстить вкусу и удовлетворить самых отличнейших лакомок, находится здесь в изобилии, и все самое лучшее, что только можно назвать редкостью, например, свежие огурцы в Феврале месяце, разные фрукты гораздо прежде должного времени произращенные, лучшие припасы для стола, всякого рода живность и свежая зелень, столь хорошо соблюденная, что и летом не может быть свежее – все сие можете вы найти здесь; охотник до хорошего стола и даже прихотник, наверно, может здесь удовлетворить вполне своим желаниям... Стечение народа, особенно пред праздниками, бывает великое. В торговые дни, особенно в Воскресенья, вся площадь пред сим рядом бывает уставлена привозными из деревень съестными продуктами».

Московский бытописатель начала XX в. П. И. Богатырев писал, что Охотный ряд – «... это какое-то „государство в государстве“: здесь свои нравы, свои обычаи, здесь ядро московского старого духа. В Охотном ряду всегда можно найти такие гастрономические редкости, которые по карману только очень богатым людям. Тут можно найти зимой клубнику и свежую зелень. Все лучшие московские трактиры, где вас удивляют осетриной, телятиной и ветчиной, снабжаются Охотным рядом. Здесь же можно нарваться и на недоброкачественную провизию, на этот счет тут охулки на руку не положат».

Писатель П. Д. Боборыкин отмечал в 1898 г., что «Охотный ряд до сих пор наполовину первобытный базар; только снаружи лавки и лавчонки немножко прибраны, а на дворах, на задах лавок, в подвалах и погребах – грязь, зловоние, теснота! Но истый москвич без покупок в Охотном ряду обойтись не может».

Другой писатель, А. И. Вьюрков, даже в советское время вспоминал в рассказе «Быль московская»: «...каких только продуктов не было в Охотном ряду! Для любителей имелась ветчина и сельди особого засола. В спросе были голландские сельди „с душком“. Любители их терпеливо ожидали, когда бочка со свежими сельдями „тронется“ и даст свой собственный „запах“. Славился также Охотный нежинскими огурцами, белевской пастилой и маринованными грибами. Все, что страна добывала и производила съестного, все можно было получить в Охотном».

Охотный ряд

– Я, мой дорогой, – говорил приятелю известный московский адвокат, – географию нашей страны, ее флору и фауну в Охотном изучал. Тут весь наш юг, север, запад и восток представлены. Такого наглядного пособия во всем мире не сыщете. Да-с. Все наши области, моря, реки – тут как на ладошке».

В советское время, после введения так называемой новой экономической политики, Охотный ряд превратился в привилегированный рынок: «На этом рынке мы никогда ничего не покупали. Он был самый шикарный, самый дорогой, без барахолки, без особой толкучки, но зато с магазинами», – вспоминал князь С. М. Голицын в «Записках уцелевшего». Он продолжает описание Охотного ряда: «...там, где теперь гостиница „Москва“, тянулись одно за другим двух- и трехэтажные здания, в плане образовывавшие букву „Г“. Среди них выделялся большой рыбный магазин, в котором оптом и в розницу продавалась соленая и копченая красная рыба, икра и такая снедь, которая обыкновенным людям теперь и не снится. Над окнами и дверью этого магазина красовалась огромная вывеска с нарисованным на ней круглым, как шар, золотым карасем размером больше кита. Рядом в двух магазинах торговали дичью разных видов, кучами валялись замороженные серо-бурые рябчики и белые куропатки». А напротив, «сзади церкви Параскевы Пятницы помещались магазины разных солений. Запах возле них стоял приторный и тухлый, рядом выстраивались бочки с солеными огурцами, арбузами и разных пород грибов, вроде крохотных рыжиков и голубоватых груздей».

Название Охотному ряду, по общему мнению, дали охотники, привозившие на продажу добытую ими дичь. Охотный ряд путешествовал по Москве, сменив по крайней мере три места. Сначала охотники со своей добычей располагались рядом с Красной площадью, на левом берегу Неглинной на том месте, где сейчас находится северная часть здания Исторического музея. В начале XVIII в. из-за строительства оборонительных сооружений – бол-

верков – Охотный ряд пришлось переносить на другой, правый берег Неглинной, откуда он уже переместился на то место, на котором оставался почти 200 лет и дожил до 30-х гг. XX столетия, до советских сносов.

Несомненно, местность эта была застроена еще в XIV в., если согласиться с тем, что церковь Параскевы, находившаяся напротив Охотного ряда, у современного здания Государственной думы, была построена до первого документального упоминания о ней в 1406 г. Совсем рядом, напротив нынешнего Дома Союзов, стояла и другая церковь – Святой Анастасии, известная с 1458 г., и, как справедливо замечает историк П. В. Сытин, «две церкви недалеко друг от друга могли быть поставлены лишь среди плотно заселенной местности...».

По его же словам, при Иване Грозном на берегу Неглинной находились три ряда лавок – Житный, Мучной и Солодовенный, которые были показаны на плане Москвы 1634 г. (Олеария), названные в легенде к нему «лавки для муки и солода». Они были обязаны своим появлением здесь, вероятнее всего, тому, что на запруженной Неглинной стояли мельницы, куда привозили зерно и где мололи муку и тут же продавали.

В пожар 1737 г. ряды сгорели и уже не восстанавливались. Место их отошло к частным владельцам – князьям Долгоруковым и Грузинским, а также под новостроящиеся здания Монетного двора. После прекращения монетного производства в Москве корпуса использовались по другому назначению: в них, в частности, поместили Берг-коллегию, в одном из помещений которой, как считал историк П. И. Бартенев, был заключен предводитель крестьянского бунта Емельян Пугачев.

Со временем здания стали ветшать, и по плану 1775 г. их предназначали на слом. Однако они еще долго стояли, пока в 1797 г. сюда не было решено перевести лавки с соседней Моисеевской площади, для чего, как писал историк Москвы М. С. Гастев, было решено отдать строения Монетного двора «кому-либо из частных людей, с тем чтобы получивший представил, в вознаграждение, дом в Казну, для пробырного мастерства, и всю мелочную торговлю с Моисеевской площади поместил бы у себя на том дворе, дабы она не была видима. Государь Император повелел в 1798 году отдать Монетный двор, на этом условии, бывшему тогда в Москве обер-полицмейстеру действительному статскому советнику Каверину», который выстроил для помещения лавок несколько каменных зданий.

Павел Никитич Каверин был хорошо известен в московском обществе. Как вспоминал П. А. Вяземский, «Карамзин всегда с уважением упоминал об одном случае, который хорошо характеризует его нравственные качества. Незадолго до вступления неприятеля в Москву граф Ростопчин говорил ему и Карамзину о возможности предать город огню и такую встречу угостить победителя. Каверин совершенно разделял мнение его и ободрял к приведению в действие. А между тем у небогатого Каверина все достояние заключалось в домах, кажется в Охотном ряду, которые отдавались внаем под лавки Московским торговцам». И действительно, в пожар 1812 г. лавки Каверина сгорели, и он в 1818 г. продал участок за 400 тысяч рублей серебром – огромную сумму (вот как ценилась уже тогда земля в центре города!), купцу первой гильдии Д. А. Лухманову; потом этот участок принадлежал дворянину А. А. Журавлеву, и при нем весь двор несколько раз перестраивался. В последний раз в 1892 г. участок был застроен по периметру двухэтажными зданиями (проект архитектора С. С. Эйбушитца) под рыбные и мясные лавки.

Охотнорядские мясники получили печальную известность при подавлении студенческой демонстрации в апреле 1878 г. Тогда студенты большой толпой пошли с красными флагами по Моховой улице, на углу Тверской им преградила путь полиция, но студенты провалили оцепление и с пением революционных песен продолжили путь. Тогда по собственной инициативе явились мясники из Охотного ряда и страшно избили студентов; охотнорядцы и на следующий день продолжали бить попадавшуюся им на глаза учащуюся молодежь и

заступавшихся за них. Теперь уже полиции пришлось укрощать разбушевавшихся охотно-рядских «мамаев».

Впереди лавок Охотного ряда вдоль площади тянулись десятки деревянных лавочек и столов, заваленных овощами и фруктами. Это о них писал в повести «Однокурсники» П. Д. Боборыкин: «В воздухе разлит запах ядреных яблоков. Он шел от Охотного ряда. И глазом можно схватить ряд столов с горками фруктов, крымских груш, антоновки, виноградных кистей, арбузов, лимонов, кроваво-красных помидоров».

Ряд лавок кончался почти у самой Театральной площади трехэтажным казенным зданием, где располагался знаменитый московский Егоровский трактир, которым восторгались: «...кухня, русская кухня была великолепно! Такой осетрины, ветчины, поросятины в редком трактире Москвы можно было найти; разве только в Большом Московском Гурина, у Тестова, да на Ильинке в Биржевом, да и то по значительно повышенным ценам, конечно, за обстановку. А блины? Ах, какие были это блины! Платили вы 20 копеек за десяток, и вам подавали блины с чем угодно: с ветчиной, с осетриной, с яйцами. Икра – дешевка, сметана даром. Ешь эти блины и не чувствуешь – во рту тают».

Московский бытописатель Богатырев рассказывал: «Достопримечательность Охотного ряда – это трактир Егорова, существующий более ста лет. Егоров, как говорили, принадлежал к беспоповской секте и не позволял курить у себя в трактире. Для курящих была отведена наверху довольно низенькая и тесная комнатка, всегда переполненная и публикой и дымом. По всему трактиру виднелись большие иконы старого письма, с постоянно теплящимися лампадами. Здесь подавался великолепный чай, начиная от хорошего черного и кончая высшего сорта лянсином. Кормили здесь великолепно, но особенно славился этот трактир „воронинскими“ блинами. Был какой-то блинщик Воронин, который и изобрел эти превосходные блины (на вывеске ворона с блином в клюве и надпись „Здесь воронины блины“). Внутренняя обстановка его невольно внушала к нему особенное уважение. Вас прежде всего встречала известная дисциплина и непреклонная воля лица, стоящего ежеминутно на страже: „Я, мол, хозяин: нраву моему не препятствуй; что хочу, то и сделаю; а ты в чужой монастырь со своими уставами не ходи“. Поэтому в постные дни вы здесь не услышите и запаха ничего скоромного, какие деньги ни предлагали. Кроме того, вам отнюдь не позволят курить».

Об этом трактире знали все живущие в Москве, и его старались посетить все приезжие:

В Москве везде найдешь забаву
По вкусу русской старины:
Там калачи пекут на славу,
Едятся лучшие блины.

Именно у Егорова покупали хорошую и свежую провизию: писатель Иван Шмелев вспоминал, как для поездки за город «послали к Егорову взять по записке, чего для гулянья полагается: сырку, колбасы с языком, балычку, икорки, свежих огурчиков, мармеладу, лимончика...».

В начале XIX в. здесь находился питейный дом со странным названием «Стеклянный» – место сбора московских воров и бродяг. И когда происходили крупные кражи, то полиция отправлялась прямо сюда.

В советское время трактир исчез, и его место заняла редакция газеты «Рабочая Москва», а впоследствии новый корпус гостиницы «Москва».

Вообще вся улица Охотный Ряд еще по плану 1775 г. предназначалась под площадь, и даже церкви, стоявшие тут, должны были сноситься: московский главнокомандующий сообщил в 1791 г. митрополиту Платону о том, что храмы вместе со дворами причта и, в особен-

ности, кладбища при них уничтожаются. Платон был против сноса церкви Св. Анастасии, но выговорил лишь оставление в неприкосновенности церкви Параскевы, «так как она тверда и строением не мала». Ему, однако, пришлось согласиться со сносом колокольни, сильно выступавшей на проезжую часть.

Храм св. Анастасии Узорешительницы находился напротив Большой Дмитровки и современного Дома Союзов примерно в 20–30 м от него. Главная церковь была освящена в память Нерукотворного образа Спаса, но храм был более известен по приделу в память святой Анастасии, облегчавшей страдания узников. По преданию, ее основала первая жена Ивана Грозного Анастасия Романова. В 1793 г. церковь снесли, а материал употребили на возведение новой колокольни у соседней Параскевиевской церкви, которая находилась примерно напротив современного входа в здание Государственной думы.

Церковь Преподобной Параскевы, благополучно дожившая до советского времени, впервые упоминается, по словам историка П. В. Сытина, еще во времена сына Дмитрия Донского, великого князя Василия I. Она именовалась «что позад Житново ряду». Любопытно отметить, что она, как и Анастасиевская, писалась «что у поль», то есть у мест поединков, которые происходили на нарочно выделенных для того полях (о полях см. в главе «Театральный проезд»). В некоторых работах церковь называется Параскевой Пятницкой, что неверно, ибо среди святых были две Параскевы – Белгородская (она была сербиянкой, раздавшей бедным все имущество и удалившейся в Иорданскую пустыню), в честь которой и освятили алтарь церкви в Охотном ряду, а другая – Пятницкая (ее родители чтили день пятницы, день приуготовления к распятию), которой были посвящены семь церковных алтарей в Москве.

Дворянское собрание. Ф. Дитц. До 1850 г.

Церковь Параскевы была заново построена в 1657 г., а в 1687 г. заменена новой соседним владельцем князем В. В. Голицыным. Это было большое здание, на первом этаже которого находилась церковь Параскевы, а наверху – Воскресения, бывшая княжеской домовою

и соединявшаяся с голицынскими палатами переходом. Князь недолго молился в ней – через два года его арестовали и отправили в ссылку, а домовую церковь передали княгине Анне Грузинской и впоследствии присоединили к приходской Параскевиевской. В 1760 г. храм «возобновили в лучшем виде», и в 1793 г. к нему пристроили из материала снесенной Анастасиевской церкви высокую колокольню. После нашествия Наполеона церковь возобновили, и в 1815 г. московское дворянство пожертвовало средства на устройство двух новых приделов – Св. Александра Невского и мученицы Екатерины в честь императора Александра I и его сестры Екатерины Павловны. В церкви были также поставлены иконы, посвященные святым, праздники которых приходились на даты крупнейших событий Отечественной войны: Бородинского и Тарутинского сражений, освобождения Москвы, Березинской переправы, вступления в Париж, заключения мира и др. Таким образом, можно сказать, что церковь в Охотном ряду была первым московским памятником войны 1812 г.

Автор мемуаров С. М. Голицын отзывался о ней: «Прекраснейшая, одна из лучших, прославленная своим малиновым, самым в Москве мелодичным звоном колоколов, высилась посреди рынка белая, в белых кружевах...»

Но еще задолго до приведения в действие советских планов реконструкции города церковь снесли. Историю борьбы за спасение ее рассказали в журнале «Архитектура и строительство Москвы» в 1990 г. В. Козлов и В. Седельников. Узнав о замыслах уничтожения церкви, многие ученые и архитекторы выразили свое возмущение: «Утрата этого единственного в своем роде сооружения представила бы слишком большую утрату для истории древнерусского строительства». Но все решалось партийными властями, и 29 июня 1928 г. «был обрушен рабочими МКХ (Московского коммунального хозяйства. – *Авт.*) внутрь здания верхний восьмерик средней главы, украшенный изразцами и угловыми керамическими колоннами, причем ни один изразец не был вынут и сохранен. Работники Главнауки к изъятию ценных частей не были допущены». Как вполне справедливо отмечают авторы статьи, «сломка церкви Параскевы Пятницы высветила вполне определенные тенденции в отношении к памятникам прошлого, приведшие через год-два к массовому сносу церквей и монастырей».

Напротив лавок Охотного ряда, на его северной стороне, находились дворы знати: Долгоруковых, Голицыных, Троекуровых, Черкасских, Волынских.

Угловой участок с Тверской улицей (бывш. № 1) занимало владение князей Долгоруковых, на котором стояли каменные палаты. Еще в середине XVII в. они принадлежали боярину Юрию Алексеевичу Долгорукову, известному государственному деятелю царствования Алексея Михайловича. Долгоруков был особенно близок к царю, часто упоминался в дворцовых записях: «за столом был» у государя. «Князь Юрий, одаренный от природы умом обширным, деятельностью неутомимою и железною силою воли, – рассказывалось в «Сказании о роде Долгоруковых», – вскоре оправдал доверенность царскую... душевно преданный Алексею (царю Алексею Михайловичу. – *Авт.*), и пламенно любя свое отечество, он пользовался уважением всеобщим, хотя и не пользовался всеобщей любовью. Чрезмерная пылкость нрава и неукротимость во гневе соделали его для товарищей предметом боязни». Искусный военачальник, он отличался и за столом переговоров, и, как писал к нему царь, «будучи ты на посольских сездах, служа нам, великому государю, радел от чистаго сердца, о нашем деле говорил и стоял упорно свыше всех товарищей своих... Мы за это тебя жалуем, милостиво похваляем».

После кончины Алексея Михайловича Долгоруков при царе Федоре стал правителем государства, но позднее, уже в преклонных летах, удалился от дел, передав их сыну, который в 1682 г. во время восстания стрельцов был главой Стрелецкого приказа. Его убили восставшие стрельцы, которые «тщася, безумнии и глупии, государством управляти». Восставшие ворвались в Кремль, сбросили князя на копья, а отец имел неосторожность сказать

жене его: «Не плачь, дочь! Щуку-то злодеи съели, да зубы остались целыми; всем им быть на плахе». Стрельцы вломились в дом, старика стащили с кровати и после мучений убили, потащили труп на Красную площадь и забросали там его рыбой, с криками: «Ешь ты сам рыбу!»

Другим известным владельцем этого участка был праправнук князя Юрия генерал-поручик Василий Владимирович Долгоруков, отличившийся в сражении с турками при Кагуле 21 июля 1770 г., когда русская армия численностью 23 тысячи человек разбила 150-тысячную армию врага. Долгоруков получил Георгиевский крест и вскоре вышел в отставку. Современники отзывались о нем как о «муже, одаренном блистательными способностями, душою нежною и благородною».

У Долгоруковых на углу с Тверской стояла их большая домовая церковь Святого Алексея митрополита, построенная в 1690 г. Старинные княжеские палаты были снесены еще в начале XIX в. – они уже не показаны на плане 1821 г. В XIX в. дома здесь сдавались внаем – тут помещались гостиницы Шевалдышева и «Париж». В советское время до сноса всех строений находилась гостиница «Международная», или, как она еще называлась, «27-й дом ВЦИК».

С востока соседом Долгоруковых было владение Голицыных, их старое родовое гнездо: так, по переписной книге 1638 г. оно числится за князем Андреем Андреевичем, после него принадлежало сыновьям, один из которых, Василий, выкупил его у братьев. После его смерти двор перешел к его сыну Василию Васильевичу Голицыну, одному из самых замечательных русских государственных деятелей, чьи реформаторские замыслы далеко опередили свое время. Он получил прекрасное образование, выделявшее его из среды придворных, и уже в молодые годы проявил себя в военной и административной областях. Его карьера началась при царе Федоре Алексеевиче, но взлет ее пришелся на регентство царевны Софьи. Немалую роль в этом сыграла близость В. В. Голицына к царевне, которая и не скрывалась тогда, противно старомосковским обычаям, по которым царевнам было два пути – либо в терем, либо в монастырь. Софья же, не таясь, шла поперек обычаев, признаваясь в любви. «Свет мой, братец Васенька, – писала она Голицыну, ушедшему в поход. – А мне, мой свет, не верится, что ты к нам возвратишься; тогда поверю, как увижу в объятиях своих тебя, света моего... Всегда прошу, чтобы света моего в радости видеть. Посем здравствуй, свет мой, на веки неисчетные».

Деятельность Голицына настолько обращала на себя внимание, что француз Невилль, побывавший в Москве в 1689 г., писал, что князем в Москве было возведено не больше и не меньше как 3 тысячи каменных домов, и он же «построил также на Москве-реке, впадающей в Оку, каменный мост о 12 арках, очень высокий, в виду больших половодий; мост этот единственный каменный во всей Московии...».

Голицын задумывал широкие реформы во многих областях жизни Московского государства: он высказывался за отмену местничества, за преобразование военного строя, за широкое распространение светского образования, посылку дворянских и боярских детей за границу и приглашение учителей оттуда. Голицын задумывал даже такие радикальные меры, как освобождение крестьян с землей, опередив почти на 200 лет события 1861 г. Это была широкая и тщательно продуманная программа кардинальных реформ, и, как справедливо отмечает В. О. Ключевский, «его мышление было освоено с общими вопросами о государстве, об его задачах, о строении и складе общества: недаром в его библиотеке находилась какая-то рукопись «о гражданском житии или о поправлении всех дел, яже належат общему народу». Он не довольствовался подобно Нащокину (А. П. Ордин-Нащокин, руководитель Посольского приказа. – *Авт.*) административными и экономическими реформами, а думал о распространении просвещения и веротерпимости, о свободе совести, о свободном въезде иностранцев в Россию, об улучшении социального строя и нравственного быта».

Все эти предположения, замыслы и планы рухнули вместе с падением царевны Софьи в ее борьбе с Нарышкиными. Голицына арестовали и 9 сентября 1689 г. прочли ему повеление: «Великие государи цари и великие князи Иоанн Алексеевич, Петр Алексеевич... указали у князь Василья и сына его князь Алексея Голицыных честь их боярство отнять за то, как они, великие государи, изволили содержать прародительские престол, и сестра их, великих государей, великая государыня благоверная царевна и великая княжна София Алексеевна, без их, великих государей, совету во всякое самодержавние вступала, а они, князь Василей и князь Алексей, угождая и доброхотствуя сестре их, великих государей, о всяких делах мимо их, великих государей, докладывали сестре их...» Голицына вместе с сыном отправили в далекую ссылку в Пустозерск, в Архангельскую губернию. Умер же он в селе Кологоры в 1714 г. По словам историка В. Н. Татищева, «человек был всякой хвалы достойный, токмо по зависти на его великую власть в несчастье впал».

Московский дом В. В. Голицына в Охотном ряду славился красотой и роскошью. Тот же Невилль свидетельствовал, что «собственный дом его был одним из великолепнейших в Европе, покрыт медными листами и внутри украшен дорогими коврами и прекрасной живописью».

Благодаря сохранившимся подробным описям, сделанным после ареста князя и конфискации его имущества, мы знаем, каким был голицынский дом и что в нем находилось. В здании насчитывалось 53 комнаты, в них находились «парсуны», как назывались тогда портреты, потолки были расписаны. Так, например, в большой столовой «в двух поясах» было «46 окон с оконцы стеклянными», она была «вся меж окон писана цветным аспидом (то есть под мрамор или яшму. – *Авт.*), а с четвертой стороны обито немецкими кожами золочеными», на потолке изображено с одной стороны «солнце с лучами, вызолочено сусальным золотом; круг солнца боги небесные с зодиями и с планеты писаны живописью», а с другой «месяц в лучах посеребрен». Вокруг потолка в «20 клеймах резных позолоченных пророческие и пророчиц лица»; с потолка спускалось «на железных трех прутах паникадило белое костяное о пяти поясах, в поясе по 8 подсвечников», на стенах висело много портретов, в частности великого князя Киевского Владимира, царей Ивана Васильевича, Федора Ивановича, Михаила Федоровича и Алексея Михайловича, еще три «персоны королевских», а также в четырех резных золоченых рамах немецкие гравюры, и там еще были такие ценные предметы, как пять зеркал. Описание только одной этой комнаты занимает несколько страниц. Голицын был не чужд и музыке – в описи есть «домра большая басистая».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.